Дар Шаванахолы

Автор:
Макс Фрай

Дар Шаванахолы

Макс Фрай

Хроники Ехо #7

Трактир «Кофейная гуща» стоит на границе между новорожденной реальностью и непознаваемым хаосом еще неосуществленных возможностей. Он стал центральным местом действия цикла «Хроники Ехо», в ходе которого старые друзья и коллеги встречаются, чтобы поговорить о прошлом и помолчать о будущем, которое уже почти наступило.

В седьмой книге цикла «Хроники Ехо» сэр Макс рассказывает самую страшную историю о художественной литературе, какую только можно вообразить. Впрочем, читателя утешат толпы призраков и полураздетых красоток, бессмертные колдуны древних времен, Книга Несовершённых Преступлений, блистательный Лойсо Пондохва и ярмарочный леденец на закуску.

Макс Фрай

Дар Шаванахолы

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

…all these moments will be lost in time…

«Blade Runner» by Ridley Scott

Солнечный свет льется отовсюду, даже снизу, где нет – по крайней мере до сегодняшнего дня точно не было – никаких небес, только густая трава, черная земля, белый песок и разноцветные камни.

При том что вроде бы скоро вечер. Теоретически. По идее. Мда.

До сих пор у Триши никогда не было проблем с определением времени суток, ей даже на часы смотреть не надо, потому что это только кажется, будто время течет снаружи, на самом деле оно – внутри, и самые точные часы – там же. Но сейчас она что-то засомневалась. Вполне может оказаться, что снаружи все-таки есть какое-то время, более или менее общее для всех, или почти. И, возможно, некоторые люди умеют настраивать его по собственным внутренним часам.

И мы знаем, кто эти люди, думает Триша, глядя на Макса. Уж если в Городе сейчас его время – все, пиши пропало. Как теперь понять, когда готовить ужин, а когда, напротив, идти на рынок – неведомо. Впрочем, может быть, Франк все-таки разберется и подскажет? Если речь заходит о чем-то по-настоящему серьезном вроде ужина, на него можно положиться. Вполне. Наверное. Теоретически. По идее. Мда.

Чтобы отвлечься от тревожных размышлений, Триша прислушивается к беседе, текущей под деревом, на которое она забралась, чтобы нарвать спелых груш, да так и застряла, задумавшись о времени.

– Не знаю даже, что представлятся мне более удивительным, – говорит Шурф Лонли-Локли. – Сама по себе возможность почти каждый вечер, покончив с делами, отправляться в странствие между Мирами, как другие люди ходят в трактир, или тот факт, что теперь, когда тебя, строго говоря, нигде нет, мы видимся даже чаще, чем в то время, когда жили в одном городе и ходили на службу в Дом у Моста.

– На самом деле по-разному бывало. Помнишь, когда я переехал в Мохнатый Дом, ты у меня там практически поселился. Даже домашнюю обувь завел и сменную одежду в шкафу держал. Понятно, что ты навещал не столько меня, сколько остатки библиотечных архивов, но все-таки я к ним некоторым образом прилагался.

– Ну, по правде сказать, не так уж много интересного там нашлось. На первые несколько дней мне хватило, а потом приходилось приносить книги с собой.

– С собой? – изумленно переспрашивает Макс. – Ну ничего себе. Я-то за тебя радовался, думал – дорвался человек до сокровищницы. Но в чем тогда заключался тайный смысл твоих ежедневных визитов?

– В том, что после того, как леди Теххи нас покинула, тебя не следовало надолго оставлять одного. Впрочем, ненадолго тоже не следовало. Если бы я поселился в твоем доме просто так, без всякого повода, это выглядело бы довольно эксцентрично. Да и чрезмерная опека тебя всегда бесила. А остатки старой библиотеки – это был прекрасный предлог. Благо мое помешательство на книгах к тому моменту не вызывало у тебя никаких сомнений.

– Спасибо, – говорит Макс. – Надо же, какие страшные тайны то и дело открываются тут. Чем дальше, тем страшнее. Таково роковое влияние этого зловещего места!

С каких это пор наша «Кофейная гуща» – зловещее место? – озадаченно думает Триша. – Или это просто такая шутка?

Но спрашивать не имеет смысла. Совершенно бесполезно выяснять у Макса, шутит он, или говорит всерьез. Потому что в большинстве случаев он сам этого не знает, а когда знает, все равно смеется – дескать, какая разница?
И по интонации не угадаешь. И даже если в глаза заглянуть, не поймешь.
И вообще никак.

Макс тем временем продолжает, вдохновенно размахивая руками:

– А кстати, о роковом зловещем влиянии. Слушай, до меня только сейчас дошло: истории, которые мы тут время от времени друг другу рассказываем, все как на подбор были про призраков. Ну точно! У Меламори был призрак

туланского сыщика, в истории Джуффина про Гажин призраков вообще несколько сотен. И Кофа о призраке отца своего рассказывал, когда приходил. И этот красавец, которого наивные мы привыкли считать обыкновенным сэром Мелифаро, туда же. И только мы с тобой так и не рассказали ни одной истории о привидениях. Все о себе да о работе. Какие-то мы, получается, унылые реалисты. Ты как хочешь, а я твердо намерен исправиться. Нет ничего лучше хорошей истории о привидениях, рассказанной на ночь. Особенно если выключить свет, принести одеяла и залезть под них с головой, чтобы побояться всласть, как только в детстве получалось.

– А одеяла-то зачем? – изумляется Лонли-Локли. – Разве у одеял есть свойство усиливать страх?

– Конечно, нет. Скорее наоборот. Вот именно поэтому они и нужны. Я же говорю – чтобы как в детстве. Страшно, но не по-настоящему. Впрочем, в твоем-то детстве все было иначе.

– А мне человеческого детства вообще не досталось, – говорит Триша, свешиваясь с дерева. – Я была уже довольно взрослая кошка, когда Франк меня превратил. Поэтому я тоже не понимаю, зачем выключать свет и приносить одеяла. И как можно бояться всласть. Страх – это же очень неприятное чувство, разве нет? Но ладно, пусть все будет, как ты хочешь. Я принесу столько одеял, сколько нужно. И погашу все лампы. И… Что-нибудь еще надо?

Так разволновалась, что спрыгнула на землю, оставив лукошко с грушами болтаться на ветке. Не до них сейчас.

– Надо. Уговори Франка сварить «Огненный рай». На таких условиях я, пожалуй, расскажу свою историю о призраках.

Лонли-Локли глядит на него с таким интересом, словно впервые увидел.

– Не о наших ли общих знакомых?

– Ну да. Если, конечно, у тебя нет возражений.

– Ну что ты. Мне будет приятно все это вспомнить. И заодно узнать подробности, выспрашивать которые мне прежде казалось бестактным.

Надо же, думает Триша. Вот это повезло, так повезло.

Шурф Лонли-Локли уже давно появляется в «Кофейной гуще» на правах постоянного клиента. Только и разницы, что заходит не с улицы, а со стороны сада, с влажными от тумана волосами. Но ведет себя, как будто живет по соседству – просит у Франка кружку чаю, пьет его за стойкой или в саду, на качелях, а потом уходит гулять. Порой возвращается к ужину, но чаще появляется только день-два спустя. Снова присаживается у стойки, просит чаю, все как обычно. Триша ему всегда рада, но ничего особенного от его визитов давно уже не ждет.

«Ничего особенного» – это значит, никаких посиделок с песочными часами в центре стола. И никаких историй. Не ждет же она рассказов от Алисы, Марка, Фанни и других соседей. И, тем более, от Макса. Он-то здесь уже давно не гость и даже не клиент, живет при «Кофейной гуще», можно сказать, на кошачьих правах – спит, ест, уходит и возвращается, когда захочет, ему всегда рады, и не спрашивают, где шлялся. Впрочем, Триша, чье любопытство всегда было сильнее робости, порой все-таки интересуется и всегда получает неизменный ответ: «Да так, везде понемножку». Спасибо большое за содержательный подробный отчет, дорогой друг. Лучше бы уж ты мяукал. По крайней мере, из одного-единственного «мяу» Триша извлекла бы гораздо больше полезной информации.

И кофе Максу, конечно же, даром достается, сколько пожелает. С домочадцев плату не берут. И вдруг он сам вызвался историю рассказать. Ну и дела!

– Но только в обмен на «Огненный рай», – улыбается Макс. – Иначе не играю.

Значит, точно будет история, думает Триша. Такими вещами, как «Огненный рай» не шутят. По крайней мере, Макс ни за что не стал бы.

Она несется к дому так стремительно, будто за ней гонятся персонажи всех страшных сказок разом, даром, что Триша их никогда не слушала и, тем более, не рассказывала.

– Франк! – кричит Триша, врываясь на кухню. – Франк!

Хотя зачем кричать? Франк – вот он, в двух шагах буквально, шепотом можно с ним разговаривать.

– Если ты сейчас скажешь, что тебя обижают вредные мальчишки, я, пожалуй, удивлюсь, – говорит он. – Наши гости, конечно, страсть какие злые колдуны, но не настолько же.

– Меня не обижают, ты что. Наоборот! Макс сказал, что если я уговорю тебя сварить «Огненный рай»…

– Он бросит к моим ногам весь мир? И пару дюжин звезд с неба достанет впридачу? Ладно, я подумаю. Хотя представления не имею, где мы все это будем складывать.

– Да ну, ерунда какая, – Триша от нетерпения машет руками. – Макс тогда расскажет историю. Обещал, что про призраков. Говорит, еще надо будет погасить свет и залезть под одеяла, но я думаю, может, это не обязательно? Может, это он так шутит?

– Он-то, ясное дело, шутит, но лампы все равно можно погасить. А чтобы чашку мимо рта никто не пронес, зажжем свечи. Давно мы при свечах не сидели, а от них тени веселые, тонкие, прыгучие, одно удовольствие иметь с ними дело.

– А одеяла? – спрашивает Триша. – Мы закутаемся в одеяла? Даже интересно попробовать, как это.

– Если интересно, значит попробуешь.

– Только надо, чтобы наступила ночь. Ну, чтобы солнце все-таки зашло, – говорит Триша. – А оно почему-то светит, как в полдень. Отовсюду сразу.

– Ничего, зайдет как миленькое. Еще немного покуролесит и зайдет, вот увидишь.

– Ну, не то чтобы идеально, – вздыхает Макс. – Сидеть, закутавшись в одеяла, – это, конечно, не лежать. И кафе у тебя, Франк, какое-то, я бы сказал, безнадежно уютное. Захочешь страху нагнать, а не выйдет, хоть сам призраком становись и вой поднимай. Впрочем, все равно хорошо.

– Надеюсь, твоя история стоит всех этих хлопот? – Спрашивает Франк, снимая с плиты джезву с обещанным «Огненным раем».

– И я надеюсь. История что надо. По крайней мере, призраков там будет – завались. И прочие леденящие кровь тайны, по большей части чужие. Включая драматическое повествование о том, как я злодейски наложил страшное заклятие на своего лучшего друга. Впрочем, не просто с его ведома, а по его наущению. И даже под его деятельным руководством, сам-то я ни черта не умел. Но все равно.

– Это был очень великодушный поступок, – говорит Шурф Лонли-Локли. – Проще было оставить меня в неведении. И хлопотать с заклятием не пришлось бы.

– Конечно, проще. Но я бы тогда вконец извелся.

– А сейчас изводимся мы с Тришей, – смеется Франк. – Хватит уже невнятных намеков. Рассказывай по порядку.

– Я просто заполняю паузу. Жду, пока ты поставишь на стол свои песочные часы.

– Уже поставил.

Триша готова поклясться, только что никаких часов на столе не было. Уж кто-кто, а она в полумраке видит не хуже, чем на свету. А теперь, гляди-ка, действительно стоят. И время пошло. Другое время.

Дар Шаванахолы

История, рассказанная сэром Максом из Exo

Начать следует с того, что для меня наступили тяжелые времена.

Женщина, рядом с которой я планировал оставаться, как минимум несколько ближайших столетий, а потом расстаться на целую дюжину дней, чтобы не наскучить друг другу, и, мужественно вытерпев разлуку, с легким сердцем начать все сначала, леди Теххи Шекк умерла. Правда, не совсем так, как обычно умирают люди. Вернее, совсем не так. Теххи, можно сказать, просто сменила место жительства.

Воспользовавшись моим отсутствием, она покинула Exo. И отправилась, кстати, не куда-нибудь, а именно сюда, в Город, на окраине которого мы с вами сейчас так распрекрасно сидим; впрочем, в те давние времена он был самым настоящим наваждением, и сам выбирал, кому открыться во всей полноте, кому – просто примерещиться, а кому и сниться не стоит.

Еще по дороге Теххи благополучно превратилась в облачко звонкого света, веселое, бесплотное и абсолютно свободное от былых привязанностей – такова уж была ее подлинная природа. А столь милая мне материальная оболочка оказалась иллюзией, поддерживать которую помогала лишь близость Сердца Мира.

Теоретически я знал, что такое может случиться. Но о беде, которая, по твоим расчетам, стрясется когда-нибудь тысячу лет спустя, довольно сложно раздумывать подолгу и всерьез. На таком расстоянии она и на беду-то не похожа.

Я, конечно, разыскал Теххи. И могу свидетельствовать, из нее получился очень симпатичный призрак – первый из обещанных в этой истории. К тому же донельзя довольный собственной участью. В те дни этот Город идеально подходил призракам; впрочем, как я понимаю, им тут и сейчас очень неплохо живется. Теххи была здесь совершенно счастлива. И от этого мне, конечно же, сразу стало легче. Но, по правде сказать, не намного.

Прощание с Теххи настолько выбило меня из колеи, что на обратном пути я допустил роковую оплошность – уснул в кабинке нашей канатной дороги. Теперь-то там можно дрыхнуть сколько влезет, все, чем вы рискуете, это прохлопать роскошный вид на зеленые долины и белые облака, а в ту пору кабинки, поскрипывая, переползали из одной реальности в другую, и пассажиру,

если он хотел благополучно совершить этот уму непостижимый переход, расслабляться не следовало. Однако я все-таки уснул, и запросто мог бы исчезнуть не только с небритых лиц всех мыслимых земель, сбывшихся и не очень, но даже из памяти всех, кто когда-либо имел со мной дело. Впрочем, так далеко не зашло. Я, можно сказать, отделался легким испугом – растерял по дороге свое хваленое могущество, жалкие остатки бодрости духа и даже физических сил, но все-таки не себя самого, и хвала Магистрам, а то хорош бы я был[1 - Все эти (и многие другие) события подробно описаны в повести «Возвращение Угурбадо».].

Меня стращали, что на восстановление сил может уйти очень много времени; забегая вперед, скажу что пары дюжин дней оказалось вполне достаточно. Но это были очень непростые дни. И конечно, не потому, что мне так уж не терпелось вволю поколдовать. Хотя это тоже доставляло определенные неудобства.

Словом, вернувшись в Ехо, я обнаружил, что в жизни моей образовалась изрядных размеров дыра. Поначалу я не столько жил, сколько предпринимал усилия, чтобы не провалиться в эту дыру целиком. Ходил все больше по самому краю, придерживаясь то за хлипкую стену, которую выстроил между восхитительным прошлым и почти невыносимым настоящим, то за крепкие дружеские руки. Их, надо сказать, оказалось много; в таких случаях принято скромно говорить: «больше, чем я заслуживал», но я думаю, ровно столько, сколько требовалось, при чем тут какие-то заслуги.

Будь моя воля, я бы в те дни круглосуточно торчал на службе, благо спать в кресле сэра Джуффина Халли выучился раньше, чем всем прочим чудесным умениям; кажется, еще ни одна наука не давалась мне столь легко. Однако шеф, которого обычно чрезвычайно удивляет стремление подчиненных улизнуть домой после очередного рабочего дня, даже видеть меня в Доме у Моста не желал. «Отдыхай, – говорил Джуффин. – Гуляй, развлекайся, набирайся сил. Поживи немного в свое удовольствие, когда еще снова выпадет шанс». Он прекрасно понимал, что жизнь стала для меня самой сложной работой, требующей столь виртуозного мастерства, что в сравнении с ним магия наивысших ступеней казалась детской забавой. И, конечно, не собирался позволять мне отлынивать.

Первое, что я сделал, – отказался от квартиры в Новом Городе, где в последние годы не то чтобы жил, а – бывал. Заходил туда по дороге из Дома у Моста, чтобы быстренько переодеться и бежать дальше, в трактир леди Теххи, который стоял на соседней улице. Уже хотя бы поэтому жить в Новом Городе мне больше не следовало; я, впрочем, даже за вещами туда заезжать не стал. Честно говоря, вообще вот только сейчас о них вспомнил. Смешно получается – меня самого давным-давно нет в Exo, и еще надо бы разобраться, кого я, собственно, имею в виду, когда говорю: «меня», – а мои ковры и кресла до сих пор хранятся где-то в кладовой, и деликатный владелец дома терпеливо ждет, когда их заберут.

Хлопотать с поисками нового жилья мне не пришлось. Потому что кроме квартиры у меня уже несколько лет имелся личный дворец. Так получилось.

Ну, положим, не настоящий дворец, а скромная царская резиденция, устроенная для меня в здании, принадлежавшем когда-то университетской библиотеке. Горожане называли – собственно, до сих пор называют – его «Мохнатым домом», потому что стены бывшей библиотеки целиком увиты густыми зарослями какого-то лохматого вьющегося растения; я вечно всех расспрашивал, как оно называется, и благополучно забывал ответ прежде, чем собеседник успевал договорить до конца это длинное слово. Присутствующий здесь сэр Шурф не раз любезно его для меня записывал, однако у меня врожденный талант терять бумаги и, как выяснилось после переезда в Exo, самопишущие таблички. Так что даже он в конце концов махнул на меня рукой, сказав в утешение скорее себе, чем мне, что такое невежество вполне простительно человеку, который не намерен в ближайшее время посвятить себя преподаванию ботаники.

Мохнатый дом мне подарил Его Величество Гуриг Восьмой в тот день, когда я согласился исполнить его просьбу и подыграть старейшинам кочевого народа Хенха, решившим, будто я – их давным-давно пропавший царь.

Я сейчас, конечно, ухмыляюсь, но только потому, что привык относиться к своему нелепому царствованию, как к потехе. На самом деле это очень печальная история – бедняги кочевники натурально потеряли своего абсолютного монарха во время очередного дальнего перехода через Пустые Земли и сами себя прокляли за преступную халатность, хотя их вина, на мой взгляд, не так уж велика. В ту пору предводитель кочевников был младенцем, а обычаи запрещали подданным таскать царственную особу на руках. Поэтому во время переходов его накрепко привязывали к седлу менкала. Однако малыш, не будь дурак, свалился вместе с седлом и пропал навек. Это, в общем,

не удивительно – учитывая, что его хватились только во время ночного привала.

Что касается меня, я просто стал жертвой рокового совпадения и собственной памяти, в целом дырявой, но местами излишне цепкой. Когда я появился в Exo, сэр Джуффин Халли, поленившийся объяснять всем заинтересованным лицам, с какой стати ему взбрело в голову нанять на государственную службу не просто иностранца, но существо из иного мира, решил выдавать меня за выходца из Пустых Земель. Он сказал, что так будет проще всего объяснить мое незнание угуландских обычаев и, что гораздо важнее, неумелую Безмолвную речь, которая поначалу давалась мне с таким трудом – до сих пор вспоминать страшно. Я даже имя себе подобрал соответствующее – Фангахра, просто для смеха. Вычитал его в «Энциклопедии Мира» Манги Мелифаро, а когда знакомился с кочевниками, явившимся в Дом у Моста выручать арестованного земляка, напрочь забыл, кому оно на самом деле принадлежит.

В результате эти славные люди сочли меня своим царем. И так обрадовались, что даже организовали похищение – оглушили, завернули в ковер и повезли на так называемую родину, где среди обширных безлюдных степей, надо думать, стоял пустующий царский трон, изваянный, по мнению знакомого всем присутствующим сэра Мелифаро, из лучших сортов отборного менкальего навоза.

Но я, конечно, сбежал.

Дома же на меня принялись наседать Его Величество Гуриг Восьмой и, что гораздо хуже, сэр Джуффин Халли. Королю позарез приспичило присоединить Пустые Земли к территории Соединенного Королевства, поэтому перспектива поставить одного из сотрудников Тайного Сыска во главе самого многочисленного и воинственного из живущих там кочевых племен казалась ему чрезвычайно соблазнительной. А шеф просто очень любит всякие хитрости и интриги, его хлебом не корми, дай замутить что-нибудь остроумное, безнравственное и одновременно полезное в хозяйстве.

Эти двое вполне могли бы меня заставить, но они просто пустили в ход свое обаяние, и я, в конце концов, согласился стать самозванцем – при условии, что мне будет позволено управлять своим народом на расстоянии, не покидая Exo. Думаю, я был единственным за всю историю монархом-заочником, вспоминающим о своем высоком звании всего несколько раз в год, когда приходилось отправлять очередную партию указов, или принимать

официальную делегацию подданных, искренне восхищенных моим мудрым правлением. Впрочем, и эти обязанности я исполнял спустя рукава, разве только конфеты с пирожными то и дело возами отправлял в Пустые Земли, памятуя, что мои подданные натурально помешаны на сладком, и это благое деяние хотя бы отчасти искупает мою вину перед племенем Хенха. Впрочем, в качестве подданных Соединенного Королевства, к которому я, в итоге, присоединил свои владения, им живется гораздо лучше, чем прежде. По крайней мере, сластей у них теперь – завались, равно как и денег на их покупку, благо наш щедрый Король объявил всех Хенха от мала до велика особым пограничным подразделением своей армии и немедленно поставил на довольствие.

От престола я отрекся настолько быстро, насколько позволили недоступные моему пониманию внешнеполитические обстоятельства; процесс отречения тянулся невообразимо медленно, но, к счастью, практически не требовал моего участия, так что я при всем желании не смогу назвать точную дату конца моего царствования. Надеюсь, она уже записана в каких-нибудь учебниках, так что у меня есть шанс однажды ее узнать.

Благодаря этой авантюре в хозяйстве моем появилось несколько чрезвычайно полезных вещей: Мохнатый Дом, огромный кудлатый пес по имени Друппи, привезенный из Пустых Земель, и целых три жены – оттуда же. Сестры-близнецы Хейлах, Хелви и Кенлех были подарены мне подданными в день коронации, и я ничего не мог с этим поделать. Сколь бы зловещие слухи ни ходили обо мне по столице Соединенного Королевства, но я оказался совершенно не способен на ночь глядя выгнать на улицу трех сирот одновременно. Поэтому девочки остались жить в Мохнатом Доме, а я сразу же после церемонии вернулся в трактир леди Теххи, где мне, строго говоря, было самое место.

Некоторое время мы с женами ухитрялись вовсе не видеться. Даже не знаю, кого из нас больше смущала сложившаяся ситуация. Впрочем в конце концов мы все-таки познакомились поближе. После того, как я объявил девочкам, что буду считать их чем-то вроде любимых племянниц, кормить конфетами, давать деньги на наряды и безоговорочно одобрять все их поступки, не вникая в подробности, они вздохнули с плохо скрываемым облегчением. Это, можно сказать, стало прекрасным началом большой дружбы, которая особенно укрепилась после того, как сэр Мелифаро увел у меня леди Кенлех. Сказал, что буквально с первой минуты нашего знакомства мечтал отбить у меня хотя бы одну девушку, а уж жениться на моей жене – это и вовсе редкая удача[2 -

Все эти события подробно изложены в повестях «Корабль из Арвароха и другие неприятности», «Тень Гугимагона» и «Дорот, повелитель Манухов»; дополнительные сведения можно встретить почти во всех книгах цикла «Лабиринты Ехо».].

Остальные мои друзья оказались не настолько верными и надежными, поэтому на Хейлах и Хелви никто так и не женился. А теперь, как я понимаю, поздно суетиться – девчонки связались с леди Сотофой Ханемер, и, подозреваю, уже успели отрастить длиннющие хвосты, или что там нынче ведьмам под юбками прятать положено.

Важно, впрочем, другое. К тому моменту, как я перебрался в Мохнатый Дом, мы с Хелви и Хейлах уже и правда успели подружиться. Дом был достаточно велик, чтобы его обитатели могли не видеться вовсе, однако девочки ежедневно подкарауливали меня в огромной гостиной на первом этаже, откуда видно всех, кто заходит с улицы, или спускается сверху – специально для того, чтобы зазвать на кружку камры и развлечь болтовней. И это при том, что за дверью их ждали все мыслимые соблазны большого города. На месте сестричек я бы дома подолгу не торчал.

С другой стороны, некоторые, особо утонченные соблазны большого города то и дело сами приходили в Мохнатый дом. Господа Тайные сыщики вдруг полюбили проводить вечера в моей гостиной. Их не смущало даже то прискорбное обстоятельство, что повара мне в свое время прислал Король. А ведь общеизвестно, что дворцовая кухня – наихудшая в Соединенном Королевстве. Его Величество Гуриг Восьмой и сам, насколько я знаю, предпочитает обедать в других местах, переодевшись простым горожанином, в точности как сказочный Гарун-ар-Рашид. Только в его случае это не просто развлечение, а практически вопрос жизни и смерти.

Словом, милосердие друзей, старавшихся не оставлять меня в одиночестве, было совершенно безгранично. И вечеринки у нас выходили преотличные, уж на что я был тогда мрачен, а все равно не мог не оценить.

Короче говоря, у меня началась совершенно новая во всех отношениях жизнь. Никогда прежде я не занимал такой огромный дом, где чтобы попасть в собственную спальню, приходится подниматься на третий этаж,

а для путешествия по периметру гостиной не помешал бы небольшой амобилер. Никогда не делил кров с посторонними в сущности девушками, не связанными со мной ни родственными, ни романтическими узами; официальное звание моих жен давно уже не обманывало даже их самих. Никогда не имел слуг, без которых в Мохнатом Доме было не обойтись. Собственно, я даже гостеприимным хозяином никогда до той поры не был – по душевному складу я скорее гость, готовый в любую минуту заглянуть куда-нибудь на огонек и уйти – тоже в любую минуту.

Все это оказалось очень кстати – хотя бы потому, что поглощало меня почти целиком, отнимало кучу времени и внимания. Именно то, что требовалось.

Однако оставались ночи. Еще до полуночи Хейлах и Хелви дружно начинали зевать, а гости понемногу расходились. В доме, конечно, был небольшой зверинец, но кошки в это время суток, как правило, скакали по потолку и охоты к интеллектуальному общению не выказывали, а Друппи по ночам почему-то предпочитал дрыхнуть – в отличие от меня.

Сейчас мне, похоже, уже совершенно все равно когда спать, но большую часть жизни я был, что называется, «совой» – из тех настоящих, природных полуночников, кого надо загонять до полусмерти, чтобы заставить уснуть задолго до рассвета. Конечно, служба в Тайном Сыске, где «загонять до полусмерти» – это еще вполне гуманное отношение к сотрудникам, быстро приучила меня засыпать в любое время суток и практически в любой позиции, однако как только в моей жизни случался более-менее спокойный период, я тут же возвращался в свой излюбленный режим – бодрствовать до рассвета, спать до полудня. Не самое удачное расписание для человека, которому не стоит подолгу оставаться в одиночестве.

Я, конечно, регулярно напоминал шефу, что он в свое время взял меня на службу специально для ночных дежурств в Доме у Моста. Джуффин слушал, сочувственно кивал, но с упорством, достойным лучшего применения, отправлял меня отдыхать. Поэтому я постоянно ночевал дома. Это были бы очень печальные ночи, если бы не сэр Шурф Лонли-Локли, который приходил ко мне почти каждый вечер, но редко принимал участие в общем веселье. Уединялся в подвале, где хранились книги, оставленные в доме переехавшими в новое здание университетскими библиотекарями – то ли по забывчивости, то ли это просто были лишние, ненужные экземпляры, я не стал разбираться. Есть – и хорошо. Идеальная приманка для чрезвычайно полезного в моем душевном

хозяйстве сэра Шурфа, а больше от этих книг ничего и не требуется, так я тогда думал.

После того, как мои гости разъезжались по домам, а прекрасные царицы кочевников вприпрыжку удалялись в свои опочивальни, сэр Шурф покидал подвал с очередной книгой под мышкой и со всеми удобствами устраивался в гостиной. Я редко приставал к нему с разговорами, не хотел мешать, но его присутствие само по себе действовало на меня благотворно, а пример напоминал, что прежде я и сам считал чтение одним из лучших способов коротать ночи. Так что я тоже утыкался в очередной том «Энциклопедии Мира», которая отчасти примиряла меня с отсутствием в Соединенном Королевстве литературной традиции, хоть сколько-нибудь напоминающей беллетристику. Прежде эта проблема совершенно меня не волновала, я и газеты-то читать не успевал. Но теперь, когда у меня вдруг появилась куча свободного времени и одновременно пропала восхитительная способность добывать все, чего душа пожелает из Щели между Мирами, я то и дело проклинал местных литераторов, так и не потрудившихся изобрести роман. Хотя, казалось бы, что может быть проще для людей, оснащенных самопишущими табличками.

Потом я все-таки отвозил сэра Шурфа домой, или провожал его в спальню для гостей и внезапно обнаруживал, что ночь уже на исходе, а значит, вполне можно лечь и попробовать уснуть. Время от времени мне это удавалось.

Теперь, когда я вкратце обрисовал сложившуюся ситуацию и расставил по местам фигуры, можно наконец приступить к рассказу о событиях, которые, собственно, с того и начались, что я закрыл последний том «Энциклопедии Мира», со скорбным изумлением обнаружив, что даже самая объемистая книга в Соединенном Королевстве, с трудом уместившаяся в восемь томов, обладает присущим всем книгам малоприятным свойством – способностью заканчиваться. Я искренне не понимал, как теперь жить дальше. В смысле что читать по ночам.

Беда не приходит одна. Именно в эту ночь сэр Шурф попросил отвезти его домой гораздо раньше обычного – наутро ему предстояли какие-то дела, настолько важные, что он даже трактат об алхимических знаниях огородников периода Древней Династии в сторону отложил, не дочитав. Событие само по себе столь выдающееся, что я ощутил благоговейный трепет; впрочем, вполне возможно, это был самый обыкновенный сквозняк, я их вечно путаю.

Я не люблю жаловаться и даже не то чтобы умею это делать – открою бывало рот, чтобы излить свои горести, да тут же и захлопну, сообразив, что не знаю толком, с чего следует начинать. Но на сей раз масштабы катастрофы развязали мне язык. Где-то на середине пути я не выдержал и драматически сообщил Шурфу:

– Ты представляешь, я все-таки дочитал «Энциклопедию Мира».

– Вот и прекрасно, – откликнулся он. – Теперь ты имеешь хотя бы приблизительное представление о Мире, в котором живешь. Где-то на уровне способного выпускника начальной школы. Не так плохо для начала.

– Я бы в данный момент предпочел не иметь вообще никакого представления ни о чем, – огрызнулся я. – Тогда мне было бы что читать. Это сейчас гораздо важнее.

– Не хочу докучать советами, – церемонно сказал Шурф. – Однако, возможно, тебе следует знать, что подвал с остатками университетской библиотеки, в котором я провожу так много времени, вообще-то принадлежит тебе. Это означает, что ты в любое время можешь туда войти и взять книгу, какую сочтешь нужной.

– Спасибо, я об этом давно догадывался. Сердце, знаешь ли, подсказывало. Но проблема не в том, что я не решаюсь зайти в собственный подвал. А в том, что там вряд ли найдется то, что мне интересно. Какого черта тут никто не сочиняет романы? Только не говори, что их писали то ли во времена правления династии вурдалаков Клакков, то ли еще раньше. Я пробовал это читать. И одолел целых три страницы прежде, чем окончательно сломался.

Я думал, Лонли-Локли сейчас пустится в спор, или хотя бы отчитает меня за неуважение к старинным литературным памятникам, но он, поразмыслив, согласился.

– Ты по-своему прав. Архаичный язык нравится далеко не каждому. А что касается сюжетов, я и сам, при всем уважении к литературе той эпохи, готов согласиться, что они вряд ли могут заинтересовать рядового читателя.

Я даже не стал обижаться на «рядового». А ведь когда-то считал себя чуть ли не полевым генералом читательской армии. Впрочем, это было задолго до знакомства с сэром Шурфом Лонли-Локли, на чьем фоне вообще все остальные читатели рядовые, да еще и нестроевой службы.

– Что же касается существа твоего вопроса, я и сам им не раз задавался, – неожиданно признался он. – И даже предпринял попытку исследования – увы, неудачную. Так и не смог выяснить, почему традиция угуландского романа пресеклась всего через пару столетий после зарождения. И почему то же самое случилось в других областях Соединенного Королевства? И почему, скажем, в Уандуке такой традиции никогда не было вовсе? При том, что и в Куманском, и в Шиншийском Халифате письменность существует чуть ли не дольше, чем разумная жизнь, сюжетные истории там распространяются только в устной традиции. Тамошние профессиональные рассказчики держат в памяти до нескольких тысяч историй; думаю, нет нужды говорить, что все они грамотны, однако ни единой попытки записать хотя бы старинные предания, насколько мне известно, не было предпринято. В то же время, исторические хроники тщательно ведутся, научным трактатам нет числа, жизнеописания великих людей печатаются и пользуются спросом, в точности, как у нас, а, скажем, дневники путешественников, даже самых обыкновенных купцов, всю жизнь курсировавших между Капуттой и нашим Гажином, расходятся мгновенно, сколь бы высокую цену ни запросил издатель.

– Слушай, а у нас их как-то можно добыть? – заинтересовался я.

– Зачем добывать? Их можно просто купить. Конечно, не в любой книжной лавке, но в нескольких самых лучших куманские «Истории странствий» обычно есть. Ты, я думаю, просто никогда не обращал внимания на отведенные под них полки.

Я не стал говорить, что пока вообще ни разу не заходил ни в одну книжную лавку. Когда внезапно переселяешься не просто в чужую страну, а в совершенно иную, незнакомую реальность, вполне простительно, если тебе первые несколько лет будет не до покупки книг. Но я почти всерьез испугался, что услышав такое признание, сэр Шурф, пожалуй, перестанет со мной здороваться. Поэтому смиренно кивнул – дескать, действительно не обращал внимания, вот дурак – и осторожно спросил:

– А какие лавки самые лучшие?

– В первую очередь, «Письмена», неподалеку от Сумеречного Рынка. И учти, что те «Письмена», которые недавно открылись в Новом Городе, принадлежат тому же владельцу, но ассортимент там на порядок хуже, туда можешь не ходить.

– Ладно, не пойду.

Уговорить меня было легче легкого.

– Потом, конечно же, «Дедушкины книги» на улице Акробатов. Это антикварная лавка, где неплохой выбор старых изданий. И еще «Мокрый песок» на улице Всех Королевств. Кстати, в названии зашифрована отсылка к древней угуландской традиции писать стихи на мокром песке, причем последняя строчка должна быть дописана прежде, чем высохнет первая… Впрочем, при всех своих достоинствах, «Мокрый песок» вряд ли будет тебе полезен. Эта лавка специализируется на поэзии, к которой, насколько я знаю, ты более-менее равнодушен.

– Ну почему же, – возразил я. – Киба Кимар мне, помню, понравился.

– Если бы тебе еще и Киба Кимар не понравился, я бы зарекся когда-либо говорить с тобой о литературе, – отрезал сэр Шурф.

При этом на лице его было вполне отчетливо написано: «Убил бы на месте, и рука бы не дрогнула». Впрочем, в этом вопросе я с ним солидарен. Если уж убивать людей, то начинать следует именно с тех, кто не разделяет твои литературные пристрастия.

– Хорошей ночи, Макс, – вежливо сказал сэр Шурф, поскольку мы уже приехали к его дому.

В контексте его пожелание звучало как натуральное издевательство. Но я уверен, что это он не нарочно.

…Вернувшись домой, я сразу отправился в подвал. Это было наилучшее решение – в гостиной на меня скалились вероломно покинутые Шурфом

алхимические огородники, а в спальне поджидала кровать, настолько огромная и пустая, что по сравнению с ней даже невообразимый Коридор между Мирами казался вполне уютным и обжитым местом.

Какое-то время я сумбурно рылся в книгах. Была у меня надежда, что среди них найдутся разрекламированные Шурфом дневники уандукских мореходов, или, к примеру, жизнеописания Великих Магистров – после окончания Эпохи Орденов биографический жанр рацвел буйным цветом. Я уже пробовал читать жития Магистров, и они оказались не вполне в моем вкусе, но сейчас я был готов дать им еще один шанс. Все лучше, чем штудировать «Пособие по составлению сельскохозяйственных лунных календарей» или «Философские рассуждения об анатомическом строении моллюска кримпи» – подобных трактатов в моем подвале оказалось великое множество, и я понемногу начал понимать, почему эти книги не стали перевозить в новое здание Университетской библиотеки. Такое добро я бы и сам постарался где-нибудь забыть.

Я брал книги с полок, читал названия, содрогался и поспешно ставил их на место. «Особенности пунктуации личной переписки Его Величества Гурига Второго», «Полный перечень охотничьих танцев Графства Хотта с рекомендациями для современных исполнителей», «Сдержанная похвала разумным воспитателям юношества», «Тайный кодекс обувщиков Таруна», «Заметки о свойствах почв Пустых Земель» и так далее. Упоительное, должно быть, чтение.

– Грешные Магистры, неужели здесь нет вообще ничего путного?! – наконец сказал я, усевшись в отчаянии на каменный пол.

– А что именно вас интересует?

– Уже и сам не знаю.

Я сперва ответил и только потом сообразил, что разговариваю вовсе не с собственным внутренним голосом. Во всяком случае, у меня никогда не было привычки обращаться к себе на «вы».

Я огляделся. Поначалу никого не заметил, а потом оба моих сердца наперебой заколотились о ребра, словно бы соревнуясь, кто первым сокрушит непрочную эту ограду. Мне показалось, что на верхней полке стеллажа сидит моя Теххи,

которая совсем недавно твердо сказала, что не намерена появляться в Exo, где призракам, как ей прекрасно известно, приходится скрываться даже от бывших друзей, если те законопослушны. И вот, получается, передумала?..

Конечно, нет. Это был совсем другой призрак. Даже удивительно, как я мог перепутать. Какая, к Темным Магистрам, Теххи – с такой-то бородищей? Если бы призрак стоял, борода его наверняка волочилась бы по полу, а сейчас ее кончик болтался над самой моей макушкой. Внешность призраков, конечно, пластична и переменчива, но не до такой же степени.

Пока внутри меня бушевали все эти бури, мой автопилот взял управление в свои руки и сказал:

– Хорошей ночи. Рад видеть вас в своем доме.

Вежливый, собака.

– Мне не следовало попадаться вам на глаза, – вздохнул призрак. – Я наслышан о нынешних порядках и знаю, что наша встреча не сулит мне ничего хорошего. Однако меня подвела многолетняя привычка приходить на помощь растерянным читателям. В последнее время здесь часто появляется другой человек; до сих пор я думал, он и есть новый хозяин дома. Вот ему совершенно не требуется помощь, он всегда прекрасно знает, что ему нужно. И даже имеет ясное представление, где это искать, как будто сам много лет работал библиотекарем. Поэтому ему я до сих пор не показывался.

– И очень хорошо, – откликнулся я. – У этого достойного человека есть ровно один недостаток, который временами превращает его в настоящее чудовище: он всегда соблюдает правила. Причем вне зависимости от того, насколько они ему самому нравятся. Недавно в столице случилась эпидемия Анавуайны…

– О, грешные Магистры! – заламывая руки, воскликнул призрак. – Какое ужасное несчастье!

– Она уже закончилась, – поспешно добавил я.

– Я знаю, – спокойно согласился призрак. – Просто всякий раз, вспоминая об этой беде, прихожу в смятение. Извините. Я и при жизни был излишне эмоционален.

Я невольно улыбнулся.

– Ничего страшного, я и сам такой. Так вот, что касается читателя, которому вы не стали показываться. Его жена была среди заболевших. Такой могущественный колдун, как он, мог вылечить ее одним движением руки. И он, конечно же, вылечил. Только сперва провел полдня в очереди за специальным разрешением на применение запретных ступеней магии. И вовсе не потому что боится наказания. Он, по-моему, вообще ни черта не боится. Просто так устроен. Выполнять правила для него почти так же важно, как дышать.

– А для вас?

– А мне жизненно необходимо время от времени нарушать правила. Так что вы в хорошей компании. Я не выдам вас своим коллегам из Тайного Сыска. Этот дом столь велик, что я вполне могу позволить себе еще одного квартиранта.

– Спасибо, – поблагодарил призрак. И, спохватившись, представился: – Вижу вас, как наяву. Счастлив назвать свое имя – Гюлли Ультеой. Простите. Я так давно не разговаривал с живыми людьми, что совершенно забыл о правилах хорошего тона.

– Это еще что, – невольно улыбнулся я. – Я ежедневно разговариваю с дюжинами живых людей, а о правилах хорошего тона тоже не вспомнил.

И, поспешно прикрыв глаза рукой, отбарабанил обязательную формулу первого приветствия. А представившись, признался:

– У меня в этом деле корыстный интерес, сэр Гюлли. Порой мне бывает не с кем поболтать по ночам. Все дрыхнут, как распоследние дураки. Составите мне компанию? Впрочем, это не условие. Нет так нет, все равно оставайтесь.

– Но я с удовольствием! – воскликнул призрак. – Конечно, нет лучшего способа коротать досуг, чем чтение. Однако даже самому увлеченному читателю время от времени следует делать перерыв, чтобы побеседовать с другими людьми.

Особенно в моем положении. Нет ничего более полезного и поучительного для призрака, чем регулярные беседы с живыми. Помогает не утрачивать представление о реальности, которое, в свою очередь, совершенно необходимо для адекватного восприятия литературы.

– Особенно, если учесть, что за книжки тут остались, – проворчал я. – Не хотел бы я оказаться частью реальности, представление о которой они формируют! Впрочем, возможно, вы думаете иначе? Тогда прошу прощения за столь пренебрежительный отзыв.

– Кстати, вы так и не ответили на вопрос, что именно вас интересует, – напомнил Гюлли Ультеой. – Вдруг я смогу помочь. Все-таки я библиотекарь.

Но мне пока было не до чтения.

– Сперва расскажите, почему вы не перебрались в новое здание? Туда же почти все книги перевезли. Возможно, я чего-то не понимаю, а все-таки мне кажется, что в Мохнатом Доме оставили только старый хлам… Нет?

– Что касается зримой части библиотеки, – важно сказал призрак, – вы, конечно, отчасти правы. По крайней мере, я могу понять, почему вы пришли к такому выводу. Издания, по большей части, не слишком ценные, собрание выглядит бессистемным… Я бы даже сказал, хаотическим, хотя, на мой взгляд, это все же слишком резкое выражение, такими я стараюсь не злоупотреблять.

Надо же, какой деликатный.

– Но зримая часть библиотеки не моя забота, – продолжил он. – Какое мне дело, куда и зачем ее перевезли, когда вся Незримая Библиотека по-прежнему тут.

– Незримая Библиотека?

– Совершенно верно. Когда-то Мохнатый Дом стали использовать как книгохранилище именно ради ее появления. В старину умели пользоваться наследием великих предков. Никогда не думал, что доживу до времен, когда торжествующее невежество возьмет управление ходом вещей в свои руки, и книги будут вывезены из единственного здания в столице, где им

гарантирована вечная жизнь… Я, впрочем, и не дожил. Что, к сожалению, не лишило меня возможности при этом присутствовать.

– Похоже, я – истинное дитя эпохи торжествующего невежества, – мрачно сказал я. – Впрочем, мне оно более-менее простительно, все-таки я иностранец. Поэтому не знаю, что такое «Незримая Библиотека». И каким образом книгам может быть дарована вечная жизнь? И почему именно в Мохнатом Доме?

– Ответить на ваш последний вопрос проще всего; все остальное объяснится само собой, по ходу дела. Общеизвестно, что фундамент здания, в котором мы с вами сейчас находимся, был заложен еще при Халле Махуне Мохнатом. Хотя свое имя Мохнатый Дом, вопреки популярной в свое время гипотезе, все же получил не в его честь…

Я потупился, ощущая себя натуральным двоечником. «Общеизвестно», видите ли.

– …однако мало кто знает, что Его Величество Халла Махун лично принимал участие в закладке фундамента. Обычно он этого не делал, поскольку не был приучен получать наслаждение от строительных работ. И все же Мохнатый Дом стал одним из немногочисленных исключений. Почему – ответ на этот вопрос до сих пор остается открытым. Белиграс Гугландский в своих «Записках о Королях» утверждал, что архитектор был личным другом Его Величества и не постеснялся попросить его заложить несколько камней. А Айонха Одноглазый Мудрец писал, будто Король просто шел мимо строительной площадки, не зная, как скоротать два часа, оставшиеся до назначенного любовного свидания, и ухватился за первую подвернувшуюся возможность занять себя делом. Но веских документальных подтверждений своей версии не предоставляют ни один, ни другой. Все это однако важно лишь для историков архитектуры. А для нас с вами имеет значение только факт: Его Величество Халла Махун собственноручно заложил несколько камней, и его поступок навсегда предопределил удивительные свойства всех построек, возводившихся на этом фундаменте.

– А построек было много? – спросил я. Не столько всерьез интересуясь их числом, сколько желая показать, что внимательно слушаю.

– Мохнатый Дом, насколько мне известно, пятый по счету. Но старый фундамент всегда сохраняли в неприкосновенности, поскольку знали, что плодами трудов Халлы Махуна Мохнатого следует дорожить. В первую очередь, потому, что он единственный из наших Королей в полной мере обладал способностью даровать вечную жизнь одним своим прикосновением. Это получалось у него само собой, по наитию. Никто не мог заранее предсказать, какое из Королевских прикосновений окажется судьбоносным, известно лишь, что время от времени это случалось. Собственно, искусство знахарей, предоставляющих безнадежным пациентом возможность продолжить жизнь после смерти в качестве призрака, базируется именно на глубоком и всестороннем анализе деяний Халлы Махуна. Оказалось, что отсутствие врожденного таланта вполне возможно компенсировать прилежанием и, конечно, добрыми намерениями.

– А вам тоже помог знахарь?

Вопрос сам сорвался у меня с языка. К счастью, сэр Гюлли Ультеой не счел его бестактным.

– Нет-нет, что вы, я никогда не обращался к знахарям с подобными просьбами. Их помощь мне не требовалась. Достаточно было умереть на работе, в стенах Мохнатого Дома, что я и сделал, по примеру множества своих коллег. И, таким образом, разделил участь книг Незримой Библиотеки.

До меня, наконец, дошло.

– Незримая Библиотека – это книги-призраки?

– Можно сказать и так. Незримую Библиотеку составляют книги, уничтоженные в этих стенах. Многие поколения библиотекарей заботились о пополнении Незримого собрания и старались заполучить все заслуживающие внимания книги в двух экземплярах. Один занимал свое место на полке, второй уничтожался. Разумеется, со всем подобающим уважением. Сюда же со всех концов Соединенного Королевства доставляли уникальные древние книги, столь ветхие, что восстановить их не представлялось возможным – по крайней мере, мы могли сохранить эти экземпляры в Незримой Библиотеке.

– Обалдеть можно, – восхищенно выдохнул я. – А их – я имею в виду эти Незримые Книги – можно читать?

– Если вы имеете в виду, может ли прочитать такую книгу живой человек, то все зависит от его личного могущества. Для хорошего колдуна нет вообще ничего невозможного. Однако мастеров, способных не только увидеть, но и взять в руки сокровища Незримой Библиотеки, во все времена было немного. Что же касается остальных читателей, прежде им на помощь приходили сотрудники Незримой Библиотеки. Здесь, в Сердце Мира, любой человек способен увидеть призрака и услышать его речи. Поэтому мы становились посредниками между живыми людьми и мертвыми книгами. Затем мы, собственно, и нужны.

– Вы говорите: «мы», – заметил я. – Выходит, вас тут много?

Если бы призраки обладали способностью краснеть, мой новый знакомый сейчас, несомненно, залился бы краской до пят. Но вместо этого он взмыл к потолку, сжался в плотный комок, потом превратился в огромное разреженное облако; наконец, более-менее успокоившись, принял прежний аккуратный облик и вернулся на место.

– Не то чтобы очень много, – сказал он. – Я могу надеяться, что ваше обещание не выдавать меня, распространяется и на всех моих коллег?

– Конечно, – заверил его я. – Даже если вас тут несколько сотен, слова никому не скажу. Мало ли, что Кодекс Хрембера призракам в Exo жить не велит. Что ж теперь, Незримую Библотеку без присмотра бросать?

– Вы очень великодушны, – отозвался сэр Гюлли Ультеой. И поспешно добавил: – Но, конечно же, нас вовсе не несколько сотен. Гораздо меньше.

Я не стал уточнять число мертвых библиотекарей, обитающих в моем подвале. Вообще-то, хозяину дома следует иметь полную информацию о своих домочадцах. Но я милосердно отложил перепись призраков на потом. Очень уж бедняга нервничал, и я прекрасно его понимал. Одно дело самому нарваться на возможные неприятности, и совсем другое – нечаянно заложить друзей. Я бы и сам на его месте изводился.

– Вы правда можете на меня положиться, – сказал я. – Во-первых, я вас не выдам, об этом и речи быть не может. Во-вторых, если о вас пронюхает кто-то еще, я встану на вашу защиту. Лично пойду к Королю; если понадобится, напомню,

что именно я положил конец недавней эпидемии, и буду требовать награду, а там хоть трава не расти. У меня самого… – я запнулся, но все-таки закончил фразу: – У меня самого любимая женщина – призрак. Ну, то есть стала призраком. Недавно совсем. Поэтому вы мне, считайте, родня. Никому не дам вас в обиду.

– Соболезную, – откликнулся библиотекарь. И, помолчав, добавил: – Быть призраком вовсе не так плохо, как зачастую кажется живым. Скорее наоборот.

– Знаю, – кивнул я. – Она мне то же самое сказала. Так что в этом отношении я вполне спокоен. Проблема только в том, что я-то пока живой. Со всеми вытекающими последствиями.

– Понимаю. Моя любимая сестра говорила то же самое, когда приходила сюда меня навещать.

– Слушайте, – сказал я, желая сменить тему. – А как так получилось, что библиотеку вывезли в другое здание – я имею в виду ее, так сказать, живую, то есть, зримую часть – а вы тут остались? Да еще и прятаться вынуждены? По идее, вас наоборот охранять все должны. И спасибо по дюжине раз на дню говорить. И радоваться, что есть ваша Незримая Библиотека. Мало ли, что там в Кодексе Хрембера насчет призраков сказано. Всегда можно сделать исключение. А в данном случае совершенно необходимо.

– Понимаете, – вздохнул призрак, – проблема состоит даже не в том, что о Незримой Библиотеке давно забыли. Хуже другое – в нас больше не верят. Представляете?

– Не представляю, – честно сказал я. – Как такое может быть?

– Упадок Незримой Библиотеки начался сравнительно недавно, почти одновременно с наступлением новейшей, то есть, хронологически последней Эпохой Орденов. Точнее, несколькими столетиями позже, когда Ордена успели обзавестись собственными библиотеками. С их собраниями наша библиотека – я имею в виду ее зримую, материальную, так сказать, часть – и равняться не могла. Сами понимаете, у колдунов большие возможности. Однако создать собственную Незримую Библиотеку никто так и не сумел. Думаю, это задевало всех Великих Магистров, поскольку наглядно показывало, что предел их

могуществу не просто существует, но и пролегает, если можно так выразиться, прямо под носом. Что показательно – почти все Великие Магистры в начале своего пути проводили немало часов, дней и лет под нашими сводами. Однако своих учеников они к нам уже не присылали. Считали, что те должны довольствоваться Орденскими библиотеками. То ли искренне полагали, что этого достаточно, то ли не хотели делиться некоторыми сокровенными знаниями. Кстати, я совершенно уверен, что такой подход в конечном итоге и привел к крушению Орденов. Всякая система обучения, в рамках которой ученик не может не только превзойти своего учителя, но даже сравняться с ним, самоубийственна для традиции.

Я энергично закивал, радуясь, что еще одним мудрецом в моей жизни стало больше.

– Таким образом, Незримая Библиотека стала тайной. Ее по негласному уговору просто перестали упоминать. Среди библиотекарей и ученых не нашлось желающих рассориться со всеми Великими Магистрами одновременно. А в этом вопросе они были на диво единодушны.

– Но тайна на то и тайна, что некоторые посвященные ее все-таки знают, – заметил я. – А я о вас ни разу не слышал. Хотя вроде бы постоянно имею дело с, можно сказать, коллекционерами чужих тайн. И все они в курсе, что я теперь тут живу. И хоть бы кто намекнул.

– Неудивительно. Дело в том, что Незримая Библиотека уже давно перестала быть тайной, известной хотя бы дюжине посвященных. И стала легендой, причем из тех, в которые никто не верит. Хоть и думают порой: «А хорошо бы это оказалось правдой». Но даже проверять не пытаются – зачем на чужие вздорные выдумки время тратить?

– Но как такое могло случиться? Вы же есть. И не где-нибудь за морем, на краю Красной Пустыни Хмиро, в зачарованном городе, вроде Черхавлы, а вот прямо здесь, в самом центре столицы.

– Сам удивляюсь, хотя все это случилось у меня на глазах. Сперва старые библиотекари старались опекать молодых, которые, по большей части, были их собственными детьми, племянниками и внуками – работа в библиотеке всегда считалась простой, приятной и совершенно безопасной, что в Эпоху Орденов

было немаловажно, так что каждый старался пристроить сюда свое потомство. Однако при этом нужно учесть, что вся более-менее способная к магии молодежь, не раздумывая, поступала в Ордена – в то время это казалось наилучшим способом распорядиться своей жизнью. Бесталанные храбрецы спешили записаться в Королевскую Гвардию, это сулило веселую жизнь и очень неплохое жалование. А умники и хитрецы, очертя голову, бросались в торговлю – грандиозные состояния в Эпоху Орденов сколачивались за несколько лет, хотя риск, конечно, был велик, как никогда. Науки и искусства тогда процветали под покровительством Короля и Орденов, которые вечно соревновались друг с другом за право опекать очередного выдающегося ученого или художника. На этом фоне библиотека была безопасным, но довольно скучным местом работы, не сулившим никаких перспектив. Так что к нам шли самые… как бы это сказать поделикатнее?..

– Понятно, – усмехнулся я. – Бездарные трусы и дураки. Чего уж там.

– Я бы не стал употреблять столь сильные выражения. Но новые библиотекари действительно нуждались в опеке и бережном отношении, – вздохнул призрак. – И мы – я имею в виду всех своих коллег – прекрасно это понимали. Поэтому когда старший библиотекарь попросил нас не показываться молодым сотрудникам, мы отнеслись к его пожеланию с пониманием. А наших книг они, понятное дело, и сами увидеть не могли, даже если бы очень захотели. И вот представьте себе всю эту молодежь, наслышанную о Незримой Библиотеке, населенной призраками. Как они один за другим поступают на службу в знаменитый Мохнатый Дом и самолично убеждаются, что ничего этакого тут нет. Ясное дело, они не стали об этом молчать. Всем желающим слушать рассказали, что никакой Незримой Библиотеки не существует. Может, была раньше, но теперь нет. Вывезли куда-то, например. А скорее всего, вся эта история с самого начала была выдумкой. Люди охотно верят свидетельствам очевидцев – кому же знать, как не им. Так Незримая Библиотека стала легендой, и мы тоже, за компанию. Ордена в лице своих Великих Магистров были очень довольны. Я не понаслышке об этом знаю, многие Великие Магистры продолжали время от времени к нам заходить. А вот их преемники уже не приходили, старшие даже перед смертью не рассказали им, где почерпнули самые сокровенные из своих тайных знаний.

– А библиотекари? – недоверчиво спросил я. – Понятно, что лично знавшие вас старики умерли, но неужели вы так ни разу и не показались их преемникам?

– Почему же. Мы им показывались. И не раз. Какой крик они поднимали, слышали бы вы. И тут же бежали в какой-нибудь дружественный Орден за подмогой. Чтобы, значит, избавили их от нечисти. От «нечисти» – именно так они выражались, все, как один. К счастью, к Орденскому начальству простых библиотекарей не допускали, а молодые Магистры не относились всерьез к их жалобам. Посмеивались, советовали не пить Осский Аш до заката и почаще выходить на свежий воздух. Но мы решили не дразнить судьбу, припрятать наши книги как следует и затаиться до лучших времен. Однако что-то они никак не начнутся. Только еще хуже стало – теперь еще и закон против нас. Запретили всем призракам без разбора находиться на территории столицы Соединенного Королевства – кому только в голову могло такое прийти?

– Не знаю, – вздохнул я. – Кодекс Хрембера большая компания сочиняла. Но могу спросить, если вам интересно.

– Неинтересно, – отрезал Гюлли Ультеой. – Что мне действительно интересно, так это спокойно делать свою работу. Отпуск, растянувшийся на многие столетия – это не так весело, как может показаться. Все мы уже успели всласть попутешествовать, поглазеть на чудеса разных миров, несколько моих коллег в конце концов решили вовсе не возвращаться в Мохнатый Дом. Но я не удивлюсь, если пару веков спустя они снова здесь объявятся. Все-таки Незримая Библиотека – слишком большая часть нашей судьбы, чтобы вот так запросто ее бросить. Хотя без читателей это, конечно, совсем не то.

– Могу предложить свою кандидатуру, – сказал я. – Правда читатель я, прямо скажем, не из лучших. Учиться по книжкам совершенно не умею. Мне надо, чтобы живой человек показал и своими словами все объяснил, если не пойму. Всю жизнь читал исключительно для развлечения. Неинтересно вам со мной будет.

– Ну почему же, – оживился призрак. – Как раз напротив! Читающих ради пользы гораздо больше, чем способных бескорыстно наслаждаться чтением. Конечно, идеальный читатель – тот, кто наслаждается процессом усвоения полезных знаний. Но таких во все времена были единицы.

Знаю я одного идеального читателя, подумал я. Можно сказать, специально для вас рожденного. Только законопослушного не в меру, дырку над ним в небе. Поэтому придется оставить все как есть.

– А вы так до сих пор и не сказали мне, какую книгу здесь разыскивали, – напомнил призрак.

– Это, – вздохнул я, – не так-то просто объяснить. Дело в том, что я вырос очень далеко отсюда, на окраине Пустых Земель… Впрочем, ладно. Уж вам-то можно правду сказать. Я не из Пустых Земель, а из другого мира. Не знаю, заглядывали вы туда в своих странствиях или нет; впрочем, не имеет значения. Важно вот что: у себя на родине я пристрастился к чтению художественной литературы. Вымышленных историй о вымышленной жизни вымышленных персонажей. Понимаете, о чем я?

– Прекрасно понимаю. У нас в свое время тоже была такая разновидность литературы.

– В начале правления династии вурдалаков Клакков? – обреченно спросил я.

– Совершенно верно. Приятно иметь дело со столь эрудированным молодым человеком.

– Я пробовал их читать, – признался я. – Очень мило. Но совершенно не в моем вкусе.

– Не в вашем вкусе? – огорчился призрак. – Ну надо же! Я-то был уверен, что они нравятся всем. Да, в таком случае помочь вам будет непросто. Традиция художественной литературы, как вы ее называете, существовала в нашей культуре очень недолго.

– Вот интересно, почему? – оживился я. – Жизнь такая интересная, что сочинять романы нет охотников?

– Ну что вы. Вовсе не поэтому. Причина куда более серьезна, я бы даже сказал, драматична. Охотно расскажу вам об этом. Но, пожалуй, не сегодня. История долгая, а у вас глаза слипаются.

Это была чистая правда. Но идти в спальню, где меня поджидала самая пустая в мире кровать, я все равно не спешил. Я бы, честно говоря, прямо здесь, в подвале улегся и подремал, подложив под голову пару унылых трактатов

в мягких кожаных переплетах, но не хотел стеснять своего нового знакомого и его невидимых пока коллег. Решил, что справлюсь с предстоящим испытанием. Особенно если приду в спальню с какой-нибудь книжкой, хоть мало-мальски пригодной для чтения.

– Вообще-то я и не рассчитывал найти тут роман. Пришел в надежде отыскать путевые дневники уандукских мореплавателей, или, скажем, жизнеописания Великих Магистров.

– К сожалению, все эти книги перевезли в новое здание. Впрочем, погодите. Кажется, я знаю, что может вас заинтересовать. Ступайте за мной.

Библиотекарь упорхнул куда-то в дальний угол подвала. Нетерпеливо затрепетал над полупустыми стеллажами, борода его, как указка, ткнулась в корешок довольно тонкой, изрядно потрепанной книжицы. Я взял ее и прочитал название: «Притчи о Великих Магистрах». Имени автора не было. Вполне обычное дело – как я успел заметить, в Соединенном Королевстве чуть ли не половина книг анонимна. Впрочем, указывать на обложке свое имя вовсе не считается дурным тоном. Как хочешь, так и поступай.

– Это не жизнеописания, конечно, – сказал библиотекарь. – Но, на мой взгляд, даже лучше. Так сказать, концентрированный дух эпохи Орденов в документальных свидетельствах. Лично я сожалею, что этой книги нет в Незримой Библиотеке – слишком поздно ее создали. Вся надежда, что рано или поздно сыщется лишний экземпляр и человек, способный тщательно исполнить необходимый обряд.

Я открыл книгу наугад и прочитал:

Однажды Великий Магистр Ордена Водяной Вороны Лойсо Пондохва сказал, что внешние различия между людьми – лишь видимость. И неразумно тратить усилия, чтобы отличить одного человека от другого.

Некоторые принимавшие участие в разговоре Магистры Ордена Водяной Вороны рассмеялись, поскольку думали, что Лойсо так шутит. Другие Магистры смеяться не стали, решив, что он говорит всерьез. Тогда Магистр Лойсо убил всех без разбора – и тех, кто смеялся, и тех, кто не смеялся.

«Ты поступил так потому, что поверившие тебе не сумели вразумить тех, кто смеялся? Или потому что их удача была недостаточно велика, чтобы оказаться в другом месте?» – спросил его потом один Старший Магистр, который сам при разговоре не присутствовал, а потому уцелел.

«Вовсе нет, – сказал Магистр Лойсо. – Просто мои слова никогда не расходятся с делом. Неужели ты думаешь, будто человек, полагающий внешние различия несущественными, знает каждого из своих учеников в лицо, да еще и запоминает, кто как себя вел?»

Образ моего доброго друга Лойсо встал перед внутренним взором – натурально как живой. Я невольно улыбнулся и кивнул:

– Похоже, именно то, что надо. Спасибо, выручили.

– Вряд ли это следует считать серьезной услугой, – скромно сказал призрак. – Однако если захотите оказать ответную, просто возвращайтесь. Мне было необыкновенно приятно поговорить с вами.

– А уж мне-то как приятно! Конечно, зайду. Не знаю только, когда именно. Теоретически, меня в любой момент могут вызвать на службу. Но могут и не вызвать. Распорядок моей жизни зависит исключительно от состояния вожжи под хвостом шефа.

– Обычное дело, – кивнул призрак. – Меняется все – эпохи, обычаи, климат, очертания материков и даже облик звездного неба, переписываются календари и законы, и только обращение начальства с подчиненными остается неизменным – вечно одно и то же.

Эту фразу я решил записать и вызубрить наизусть, чтобы при случае обрушить на сэра Джуффина Халли. Не то чтобы я всерьез рассчитывал усовестить шефа, но решил, что у меня очень неплохие шансы его удивить. Уже кое-что.

Книгу я открыл наугад еще на пороге спальни и принялся читать:

Магистр Нуфлин Мони Мах как-то сказал:

«Я смотрю на деньги и сокровища, как на глиняные черепки и битое стекло. Я смотрю на лучшие одежды, как на рваные лохмотья. Я смотрю на изысканные кушания, как на корм для индюков. Кому же как не мне присматривать за порядком на этой мусорной свалке?»

Понимающе ухмыльнувшись, я все так же наобум открыл книгу в другом месте.

Однажды Великого Магистра Ордена Часов Попятного Времени Мабу Калоха спросили: «Почему ты столь безмятежно улыбаешься, когда играешь в карты и проигрываешь?»

«Потому что когда я выигрываю, я остаюсь самим собой, а когда проигрываю, превращаюсь в своего соперника и испытываю его радость», – объяснил Магистр Маба Калох.

Его ученики долго обдумывали и обсуждали услышанное. Им показалось, что испытывать чужую радость – это великое достижение, и они стали практиковаться. Через дюжину лет многие Магистры Ордена Часов Попятного Времени умели испытывать чужую радость. А еще через две дюжины лет это умели даже Орденские послушники.

Ради практики они каждый вечер посещали трактиры, где шла игра, и постепенно спустили на ветер всю Орденскую казну, которая и без того была невелика.

Когда Магистр Маба Калох узнал о состоянии казны, он не стал упрекать своих учеников, только кротко улыбнулся и сказал: «А теперь испытайте-ка мое настроение».

После этого все Магистры Ордена Часов Попятного Времени лупили друг друга до наступления ночи.

Эта поучительная история придала мне сил не только улыбнуться еще шире, но и избавиться наконец от одежды – вот что одно только имя Мабы Калоха с людьми делает.

Однако, забравшись под одеяло, я не поленился заглянуть в оглавление и отыскать раздел, посвященный Лойсо Пондохве – как я и подозревал, самый обширный из всех. И был щедро вознагражден.

Однажды Великий Магистр Ордена Водяной Вороны Лойсо Пондохва вышел на улицу с двумя младшими Магистрами своего Ордена. Был сильный ветер, и ветви дерева, стоявшего напротив резиденции, шевелились.

– Дерево движется, – сказал один из Магистров.

– Нет, это движется ветер, – сказал второй.

Великий Магистр Лойсо убил обоих, испепелил дерево, усмирил ветер и продолжил путь. Он терпеть не мог пустой болтовни.

История (за исключением финала) была так похожа на широко известную дзенскую притчу про ветер и флаг, что я заржал в голос. Сам не ожидал. А отсмеявшись, продолжил читать.

Однажды Великий Магистр Ордена Водяной Вороны Лойсо Пондохва стоял на холме и любовался закатом. Один из Старших Магистров спросил его: «Почему ты разглядываешь небо?» «Взгляни сам, сколь прекрасен стал день перед тем, как закончиться, – сказал Магистр Лойсо. – По моим наблюдениям, все становится прекрасным, когда приходит к своему концу. Вот и ты сейчас красив как никогда», – и с этими словами он убил вопрошающего.

После доброй дюжины столь умиротворяющих историй, я задремал, уткнувшись носом в открытую книгу, даже во сне не забывая благословлять ее анонимного автора. Проснулся в той же позиции и сразу прочитал:

Однажды Великого Магистра Ордена Водяной Вороны Лойсо Пондохву спросили: «Вы нередко убиваете тех, кто обращается к вам почтительно и задает разумные вопросы, зато оставляете в живых тех, кто вам дерзит. И можно было бы подумать, что вы цените дерзость превыше почтительности, но порой

вы убиваете дерзких и сохраняете жизнь почтительным. Какова ваша логика?»

«Какая тут может быть логика? – ответил Магистр Лойсо. – Горе тому, кто посвятил себя изучению магии и при этом не знает, что такое вдохновение!»

Он так рассердился, что даже не стал убивать вопрошающего.

Окрыленный таким началом нового дня, я привел себя в порядок и, положившись на вдохновение, отправился в Дом у Моста. Впервые за долгое время я шел туда без потаенной надежды, что в столице стряслось нечто ужасное, и шеф будет вынужден припахать всех сотрудников, включая почти бесполезного меня. Все, чего я сегодня хотел от Джуффина – это обменять ему пару баек о Великих Магистрах на кружку-другую камры из «Обжоры Бунбы». Потом я был готов отправиться восвояси. Досуг меня больше не страшил. Человека, в чьем подвале резвится компания мертвых билиотекарей, ничем не проймешь.

Ну, то есть я думал, что ничем. Пока не вошел в кабинет сэра Джуффина Халли.

Шеф был не один. Кресло, которое я в глубине души считал своим, занимал сэр Кофа Йох. Я уже давно привык к постоянным метаморфозам его облика, но нынче Кофа превзошел если не себя, то мои представления о его возможностях. Выглядел он, как нянька из умеренно зажиточной семьи. Края ярко-зеленого в разноцветный горох лоохи обшиты мелкими тряпичными погремушками, чтобы опекаемому младенцу было чем заняться, пока его таскают на руках, а тюрбан уподобился цветочной клумбе, густо облепленной розовыми птицами и толстыми вязаными бабочками. Зрелище настолько умопомрачительное, что я застыл на пороге с открытым ртом, забыв о цели своего визита. То есть, о дармовой камре, кувшин с которой дымился в центре стола.

– Какая нынче впечатительная молодежь, – посетовал Джуффин. – Сперва сэр Мелифаро вышел, держась за сердце, теперь этот герой, того гляди, сознание потеряет. Вот мы в их годы, встретив знакомого – к примеру, в лоохи, украшенном отрубленными головами лесных оборотней – позволяли себе, разве что, поинтересоваться адресом его нового портного.

– Каким вы, оказывается, были вежливым юношей, – удивился сэр Кофа. – Лично я в подобных случаях обычно говорил что-то вроде: «О, какой прекрасный наряд, я слышал, в Уриуланде в позапрошлом году все фермеры такое носили».

Шеф укоризненно покачал головой.

– И как только живы остались, с такими-то манерами.

– Сам удивляюсь, – согласился Кофа. – Эй, сэр Макс, ты теперь так и будешь топтаться на пороге до вечера? Входи, не бойся. Я не стану насильственно кормить тебя кашей.

– Зато меня вполне можно насильственно напоить камрой, – откликнулся я. – Сопротивляться буду вяло и очень недолго, вы меня знаете.

– За этим – к начальству, – строго сказал Кофа.

Ему явно было лень возиться с посудой. Зато наш шеф на диво трудолюбив. Жестом фокусника достал пустую кружку – не то из-за пазухи, не то просто из воздуха – и до краев наполнил ее камрой.

– Здесь побывал еще и сэр Шурф, – сообщил он, протягивая мне вожделенную посудину. – И, воспользовавшись случаем, прочитал нам лекцию. В частности, рассказал, что в самом конце правления династии Клакков наряды, вроде Кофиного были в большой моде. Представляешь, все так одевались – и мужчины, и женщины, и Королевские придворные, и грузчики из Портового Квартала. Только у богатых погремушки были из драгоценных металлов, а у бедняков – тряпичные. Хотел бы я прогуляться по Ехо той эпохи! А ты?

– Разве только в компании сэра Мелифаро. Чтобы помочь ему подобрать новый гардероб… Скажите честно, я вам очень помешал?

– Да не то чтобы. Кофа тут рассказывает разные забавные вещи. Если хочешь, оставайся, послушаешь.

Сэр Кофа сердито фыркнул. Из чего я заключил, что «забавные вещи» вряд ли относятся к числу одобряемых им явлений и событий.

– Не успели избавиться от Анавуайны, как в городе новая эпидемия, – проворчал он. – Считается, будто чужая глупость не заразна, но лично я всю жизнь думал иначе. И всякий раз, когда в трактире мне приносят кружку, вздрагиваю при мысли, что она недостаточно тщательно вымыта.

Я не оценил его сарказм, потому что, услышав слово «эпидемия», впал в состояние, близкое к панике. Конечно, тут же взял себя в руки, даже лицо более-менее сохранил. Но про себя лихорадочно думал: «Это он так шутит? Или действительно эпидемия? А я, как назло, не в форме. И что теперь делать?»

– Прости, мальчик, – спохватился Кофа. – Я как-то не сообразил, что слово «эпидемия» еще долго будет… э-э-э… действовать тебе на нервы. И вставил его для красного словца.

Я чуть не расплакался от облегчения, но вслух спокойно сказал:

– Нервы – это ладно бы. Просто я же пока толком не знаю, какие у вас тут бывают болезни. И готов поверить всему, что услышу. От людей, чьи предки добровольно наряжались в лоохи, увешанные погремушками, можно ожидать чего угодно. Вот я и забеспокоился: вдруг местная глупость действительно заразна? И все мы теперь быстро и безболезненно станем дураками. Или уже стали? То-то у меня с утра настроение хорошее. Опаснейший симптом.

– Надеюсь, все-таки нет, – вздохнул Кофа. – Хотя последние события в столице внушают некоторую тревогу.

– Расскажите ему все по порядку, – предложил Джуффин. – Только начало изложите покороче, я его уже слышал, заскучаю.

– Начало прекрасно уложится в одну фразу: в столице Соединенного Королевства орудует банда идиотов. Или даже несколько. Слово «идиот» в данном случае не оскорбление, а диагноз. Действуют они, впрочем, успешно, по крайней мере, полиция пока никого не поймала.

– Это уже четыре фразы, – ухмыльнулся шеф.

– Да, – согласился Кофа. И кротко добавил: – Сам не ожидал от себя такой словоохотливости.

И умолк. Сэр Кофа Йох человек старой школы, он знает толк в изощренной мести.

– Простите, – примирительно сказал Джуффин. – Не удержался. Знали бы вы, с какими муками мне когда-то давалась арифметика! Неудивительно, что я до сих пор горжусь способностью считать до четырех и демонстрирую ее при всякой возможности.

Довольный его покаянием Кофа продолжил:

– До сих пор все эти идиотские проделки проходили по ведомству Городской Полиции, поскольку запретной магией там, вроде бы, не пахнет.
Мы, по традиции, в дела полиции не вмешиваемся, пока сами не попросят. А они не любят нас беспокоить. Но после похищения ребенка генерал Бубута Бох лично пришел ко мне на поклон. И правильно сделал. Он, конечно, надутый болван, но, по крайней мере, ценит человеческую жизнь выше собственной гордыни. Уже кое-что.

– Ого, – присвистнул я. – Похищение? Небось, выкуп потребовали?

– В том-то и дело, что никто ничего не потребовал, – вздохнул Кофа. – А если бы потребовали, были бы дважды дураками: родители младенца и полусотни корон не соберут, даже если призовут на помощь всех друзей и заодно ограбят пару соседских лавок. Отец – художник, из тех, кто не любит расставаться со своими картинами; неблагодарная публика, впрочем, не то чтобы настаивает. Мать – философ, довольно известный в научных кругах – Сэли Култах. Ты-то, понятно, не в курсе, а вот сэр Шурф на этом месте непременно сделал бы такое специальное постное лицо, символизирующее глубокое уважение к чужому интеллекту. С тех пор, как леди Сэли ушла из Университета, решив, что преподавать философию студентам бессмысленно, и обосновав свое мнение в изящнейшем трактате «О пересечении траекторий ускользающего внимания», семья питается в трактирах за Королевский счет, а скудный запас наличности тратит на няньку для ребенка, чтобы не мешал родительским занятиям. Разумное вложение средств, если бы меня угораздило оказаться на их месте, я поступил бы так же… Собственно, с этой нянькой я сегодня и беседовал – по-

дружески, как коллега с коллегой – сам видишь, как я для этого свидания нарядился. Ничего интересного она, впрочем, не рассказала и даже не подумала. А пока мы щебетали, ребенка, целого и невредимого, нашли на окраине, неподалеку от Ворот Кехервара Завоевателя, и хвала Магистрам. Однако минувшую ночь я провел за чтением свежайших полицейских отчетов и обнаружил там множество любопытных преступлений – совершенно дурацких, но при этом довольно ловко обстряпанных. Я о них, конечно, уже слышал – краем уха. И особо не вникал – дела-то явно не по нашему ведостству.
Но в концентрированном виде информация о последних городских происшествиях впечатляет. Во всех случаях преступники действовали ловко и остроумно, но при этом совершенно не пеклись о собственной выгоде. Абсурдное поведение. Исключительно пустые хлопоты, апофеоз не то житейской глупости, не то патологического бескорыстия. Не знаю, что и думать.

– Именно до этого места я дослушал уже дважды, – подал голос Джуффин. – Сэр Макс, оцени мою жертвенность. Кофа, я жажду подробностей. Что именно вы вычитали в полицейских бумагах?

– С чего бы начать? Впрочем, все равно. Возьмем, к примеру, ограбление ювелирной лавки Кльо Маимбала.

– Интересно, – вырвалось у меня, – как выглядит бескорыстное ограбление ювелирной лавки?

Кофа, к счастью, не рассердился, что его перебивают, а, напротив, обрадовался.

– Вот! Это действительно и есть самое интересное. Поначалу оно выглядело, как самое обычное ограбление. Дверь нараспашку, охранные талисманы молча пропустили ораву полицейских и истерически завопили при приближении хозяина лавки – обычный побочный эффект умелого, но грубого взлома.
С сейфом грабители возиться не стали, зато все стеклянные прилавки разбиты, а выставленные там драгоценности, понятное дело, исчезли. Словом, все как у добрых людей. Однако дня три, что ли, спустя, домашний повар господина Маимбала нашел в банке с крупой кольцо. Показал хозяину, тот опознал в находке одно из похищенных. Ничего не понял, но на всякий случай перерыл дом и понемногу отыскал все свои драгоценности. В самых неожиданных местах – к примеру, одна брошь была приколота к старой пижаме, а драгоценную куманскую булавку воткнули в брусок мыла. И еще любопытный момент: все вещи подверглись небольшой переделке. На них выгравировали

инициалы, как это часто делают с памятными подарками. Причем на всех разные, так что вряд ли это намек на имена грабителей. Скорее, просто дурацкая шутка. По словам самого Маимбала, работа была сделана вполне профессионально, и отняла никак не меньше дюжины часов. Он, конечно, раздосадован: на то, чтобы привести драгоценности в исходное состояние, потребуется гораздо больше времени и труда. Но в общем считает, что дешево отделался. И это правда.

Кофа набил трубку и продолжил:

– Более-менее похожая история произошла в лавке Дженмерли Каллиосси. Его семья делает и продает музыкальные инструменты чуть ли не с того дня, когда был заложен фундамент первого столичного здания. Их репутация такова, что музыканты со всех концов Соединенного Королевства готовы полжизни копить деньги, чтобы обзавестись инструментом от Каллиосси. Цены там такие, что ювелирам и не снились. И охраняется лавка на славу. Мало того что двери сплошь увешаны охранными амулетами, так внутри по ночам непременно сидит вооруженный до зубов здоровяк, прибывший из провинции на заработки – караулит. Каллиосси испокон веку нанимали только приезжих, у которых в столице ни друзей, ни родни. Через полгода сторожа увольняют, справедливо полагая, что за это время человек может успеть обзавестись знакомствами, в том числе скверными, и нанимают нового. Однако все эти предосторожности не помогли. В один прекрасный день, то есть ночь, охранник утратил бдительность настолько, что отправился в трактир, а дверь за собой не запер. По крайней мере, именно так излагает события следователь. Пока сторож кутил, в лавку забралась компания чокнутых грабителей. Вместо того, чтобы вынести все, что плохо лежит, ребята всю ночь развлекались, снимая струны с одних инструментов и прилаживая их к другим. Причем так аккуратно, что ничего не повредили и не испортили. Бедняга Дженмерли, правда, чуть не помер, когда пришел поутру и увидел, что в лавке творится. Но как только понял, что все инструменты на месте и целы, воскрес, не дожидаясь прибытия знахаря.

– А сторож? – спросил Джуффин.

– А что сторож. Проспался на пороге «Джубатыкского фонтана» и со стыда сбежал домой, в Гугланд. Даже за вещами не зашел. Прислал бывшему хозяину трогательное письмо, где на каждое извинение приходится не меньше дюжины орфографических ошибок, а смысл сводится к популярной формуле:

«Сам не знаю, что на меня нашло». Это, конечно, вовсе не доказывает, что парня околдовали. В подобных случаях все так говорят.

– И это почти всегда правда, – усмехнулся Джуффин. – Они действительно не знают. Считается, будто человека непременно надо околдовать, чтобы он перестал осознавать, что делает. Вздор. Подавляющее большинство отлично справляется с этой задачей, не прибегая к помощи злых колдунов… Рассказывайте дальше, Кофа. Пока, как минимум, забавно.

– Рад, что вам угодил, – проворчал Кофа.

Но, вопреки моим опасениям, не умолк, а подлил себе камры и продолжил.

– Вот вам еще более забавное – дерзкое нападение на Клекхи Бублибеха, служащего Канцелярии Больших денег. Правда, именно денег у него при себе и не было – ну, может, какая-то мелочь в карманах. Зато имелась сумка, а в сумке папки с документами и ценными бумагами. Тоже неплохая добыча, если знать, как с ней обращаться. Дело было в середине дня, в самом центре Старого Города. Бублибех нес упомянутые бумаги из своего учреждения в Канцелярию Забот о Делах Мира. Шел без охраны – сейчас это обычная практика, чай не Смутные Времена, когда даже курьеров за камрой для начальства в сопровождении Королевских гвардейцев гоняли. На улице Алых Стен кто-то подошел к Булибеху сзади и закрыл ему глаза руками, как дети и девушки часто делают – дескать, угадай, кто. Пока бедняга гадал, его окружила теплая компания, стали обнимать, тискать, дружески хлопать по спине. Ни одного лица он так и не увидел – глаза-то были закрыты. Думаю, со стороны это выглядело, как внезапная встреча старых друзей. Когда до Булибеха дошло, что происходит, было уже поздно – грабители увлекли его за собой в какой-то двор, потом хлопнула входная дверь, и незнакомый мужской голос шепнул, что лучше не дергаться и помалкивать, тогда его никто не обидит. Заткнули бедняге рот, связали за спиной руки, нахлобучили на голову мешок. Сумку, конечно, отобрали, немного повозились, пошуршали а потом – фррр! – и разбежались. Булибех утверждает, что в разные стороны, но это вряд ли. Потому что когда ему удалось освободить руки и избавиться от мешка, он обнаружил, что стоит в коридоре заброшенного нежилого дома. В Старом Городе таких полно, в том числе на самых респектабельных улицах, сами знаете. И бежать оттуда можно было только в одном направлении – к выходу. Впрочем, неважно, что ему послышалось, главное – сумка стояла тут же, доверху набитая жареными пирожками с индюшачьим ливером и повидлом из пумбы – дрянная,

дешевая еда, которую сейчас продают только в Портовом Квартале. И, кстати, я знаю немало богачей, которые регулярно ездят туда за этими пирожками, а потом жадно поедают их прямо в амобилере – такова власть ностальгии. Впрочем, речь сейчас не о тайных человеческих слабостях, а о Клекхи Бублибехе, который обнаружил под пирожками все свои ценные бумаги, в целости и сохранности, разве что, в жирных пятнах, но вывести их – задача не то чтобы непосильная, любая домохозяйка справится. Так что и эта история закончилась ничем. Ловкие грабители только Булибеха напугали до икоты. И еще на пирожки потратились.

– Может быть, его просто приятели разыграли? – предположил я.

– И у следователя была такая версия, – кивнул Кофа. – Толковый, кстати, парень, так что ты в неплохой компании. Но нет. Все знакомства Булибеха, включая школьные, тщательно проверили – пустой номер.

– Эти ваши бескорыстные злоумышленники нравятся мне все больше, – заметил Джуффин. – Зря вы их идиотами ругали. Забавные ребята. И, похоже, большие ловкачи.

– Дело вкуса, – пожал плечами Кофа. – Как по мне, люди, рискующие загреметь на несколько лет в Нунду ради не самой остроумной шутки, идиоты и есть. Даже если у них хватает ловкости и удачи обвести вокруг носа городскую полицию. Впрочем, вот вам самое нелепое из происшествий. И одно из свежайших. Навбумберанда Гбэй подвергся нападению в собственном доме.

– Ого, – присвистнул Джуффин. – Я не знал. Надеюсь, со стариком все в порядке?

– В полном, – заверил его Кофа. И пояснил мне: – Навбумберанда Гбэй – один из самых богатых людей в Ехо. Ему принадлежит добрая половина производства и торговли амобилерами. Живет он, однако, чрезвычайно скромно, в маленьком двухэтажном доме на улице Стеклянных Птиц, держит всего двух старых слуг, которые работают по очереди – полдюжины дней один, полдюжины другой. Повара не завел, еду ему носят из ближайшего трактира, где лично я согласился бы обедать разве только ради спасения Соединенного Королевства. Да и то не факт. При этом Навбумберанда вовсе не скуп, он легко расстается с деньгами, раздает их пригоршнями практически всем желающим – детям, внукам, прочей родне, на стипендии одаренным студентам, на пособия молодым

изобретателям, на утешительные призы самым рисковым гонщикам – да на что он только не тратится. А скромно живет, потому что ему так больше нравится. Пока была жива его жена, все, конечно, обстояло иначе. Семейство занимало огромный дом на Правом Берегу, держало полдюжины поваров из разных стран и регулярно устраивало роскошные приемы. А овдовев, старик оставил особняк старшей дочке и переехал на окраину Старого Города. Говорит, всегда любил этот район; почему – Магистры его разберут. Впрочем, все это неважно. Обстоятельства дела таковы: поздно вечером четверо неизвестных в масках проникли в дом, воспользовавшись старым подземным ходом, о существовании которого Навбумберанда Гбэй не знал. Бывщие владельцы дома ему ничего не сказали, а сам он свои подвалы особо не исследовал. Хозяина и слугу аккуратно связали, поминутно извиняясь за доставленные неудобства и клятвенно заверяя, что не имеют намерения как-то им навредить. Впрочем, старики вроде Навбумберанды и в более серьезных ситуациях в обмороки не падают, людей, сколотивших состояние в Смутные Времена, ничем не проймешь. Поэтому он спокойно наблюдал за грабителями, про себя решив, что если им хватит ума отыскать какой-нибудь из его тайников с деньгами, пусть забирают, заслужили, а нет – так нет. Подсказывать он не станет, хоть режь. Но резать никто никого не собирался. И вопросов не задавали. Грабителей интересовали не тайники старого богача, а его коллекция. А она и так стоит на виду.

– Впервые слышу, что Навбумберанда коллекционер, – удивился Джуффин.

– Это не то чтобы настоящая коллекция. Просто другого слова не подберу. Ну а как еще назвать несколько сотен миниатюрных моделей амобилеров, собственноручно собранных самим Навбумберандой, его сыновьями и сотрудниками.

– А, вот вы о чем, – улыбнулся шеф. – Да, знатное собрание. Гораздо интереснее, чем готовые модели из лавки Апуты Мукарана. Навбумберанда все делает сам, с нуля. Каждую деталь.

– Вот именно коробка с деталями и привлекла грабителей.

– Унесли? – озабоченно спросил Джуффин. – Бедный Навбумберанда! Насколько я его знаю, с деньгами он расстался бы охотнее.

– Если бы унесли. Грабители уселись на ковер в гостиной и принялись мастерить амобилеры. Так увлеклись, что просидели до рассвета. Потом все-таки ушли, а собранные за ночь модели любезно оставили хозяину дома. Навбумберанда заявил полиции, что ничего ужасней, чем плоды трудов этой банды, в жизни не видел. Дескать, у его малолетних внуков – и то лучше получается. Но думаю, он просто был очень зол.

– И его можно понять, – совершенно серьезно согласился Джуффин.

– Психи, – констатировал я. – По ним, похоже, не Нунда, а Приют Безумных плачет.

Кофа одобрительно кивнул.

– Однако, если верить показаниям Навбумберанды Гбэя и его слуги, запаха безумия не было, – заметил он. – И Клекхи Булибех ничего подобного не заметил. А уж с ним-то грабители натурально обнимались.

Шеф укоризненно покачал головой.

– Почему сразу «психи»? По сравнению с нашими подопечными, всеми этими мятежными Магистрами, великими и малыми, абсолютно нормальные люди. Я бы даже сказал, милые и симпатичные.

– Наши, по крайней мере, преследуют вполне понятные цели, – вздохнул я. – Власть, месть и все в таком роде.

– А эти, похоже, просто развлекаются, – усмехнулся Джуффин. – По-моему, гораздо более понятная цель. Неужели ты сам предпочел бы власть и месть хорошему развлечению? Не узнаю тебя, сэр Макс.

Крыть было нечем.

– Кроме уже перечисленных, имели место и другие нелепые события, – хладнокровно продолжил Кофа. – В частности, ограбление кондитерской Кшачишы Нямячюши. Дерзновенные взломщики вынесли оттуда не деньги, не дорогие ташерские пряности и даже не свежие булки, а мешок бумажных

салфеток с добрыми пожеланиями, в которые уже много поколений Нямячюши по традиции заворачивают пирожные. Из салфеток понаделали бумажных птиц и потом до утра развлекались, выпуская их из чердачных окон чужих домов, куда тоже проникали, скажем так, без приглашения. Впрочем, случайные прохожие были в восторге от добрых предзнаменований. Не удивлюсь, если все они, включая самые невообразимые, вскоре сбудутся – вера творит чудеса. С особым вниманием лично я буду следить за старым пьяницей Бреччи, которому, согласно его показаниям, была обещана безграничная власть над человеческими сердцами. Чрезвычайно любопытно, в чем это будет выражаться.

– Когда этих коварных злоумышленников все-так поймают, – сказал Джуффин, – надо будет как-нибудь исхитриться, пришить им применение запретной магии и засадить в Холоми. Там гораздо комфортнее, чем в Нунде. И повар отличный.

– Нет проблем, – усмехнулся Кофа. – Сами знаете, старые охранные амулеты одной дозволенной магией не перешибешь – вот вам и злоупотребление. Мелочь, но формально вполне можно к этому придраться.

– Очень хорошо, – кивнул Джуффин. – Еще что-нибудь они натворили?

– А как же. У Кеццуари Меннохa, отставного придворного Мастера Сохраняющего Высочайшие Высказывания – проще говоря, одного из бесчисленных бывших Королевских Секретарей – сперли Королевскую печать. Не настоящую, конечно, а памятный сувенир, подаренный ему ко дню окончания службы. Серьезные документы с такой не подделаешь. Было бы логично предположить появление самых диких бумаг, заверенных краденой печатью. Ан нет, ничего подобного не случилось, а печать через несколько дней нашлась в «Крашеной репе». Лежала на дне горшка с супом, профессор Сю Клю Ай Ху чуть зуб об нее не сломал и был в таком гневе, что поклялся больше никогда не переступать порог заведения. Теперь жалеет, конечно, а толку-то – зарок есть зарок… Еще неизвестные злоумышленники проникли в дом Чебе Гуйбугу, владельца сети мастерских по ремонту и отделке домов. Вскрыли не только входную дверь, но и хозяйский кабинет, и даже сейф, что, прямо скажем, было весьма непросто. И все это только для того, чтобы до отказа набить его дешевым женским бельем, украденным накануне из лавки Канмакхи Чойи; там, впрочем, такой бардак, что ни вторжения посторонних, ни пропажу не заметили, пока не заявились полицейские с краденым добром… Да, еще совершили весьма своеобразное нападение на поэта Пеншчебамбаоро; был бы здесь наш сэр Шурф,

сказал бы – и поделом. Он стихи Пеншчебамбаоро терпеть не может, считает их печальным свидетельством упадка культуры и охотно говорит об этом при всяком удобном случае. Не знаю, чего он так взъелся на беднягу, по-моему, стихи, как стихи… Так вот, что касается нападения. Пеншчебамбаоро засиделся с приятелями в «Сытом Скелете» и отправился домой сильно заполночь. А живет он неподалеку от Собачьего Моста – район, прямо скажем, не лучший для ночных прогулок. За несколько кварталов от дома его окружили дюжие незнакомцы в карнавальных масках, силой затащили в амобилер, до рассвета возили туда-сюда по городу, а потом выгрузили у входа на Зеленое Кладбище Петтов и уехали. Ничего не отняли, никаких требований не выдвинули, даже бесед с ним не вели, а когда Пеншчебамбаоро сам попытался заговорить, велели заткнуться. Парень, впрочем, доволен приключением и теперь, говорят, не вылезает с Зеленого Кладбища Петтов, где прежде никогда не бывал. Небось пишет там новую поэму, на горе нашему сэру Шурфу. А может и на радость, кто их обоих разберет… Ну и самое последнее происшествие. Не далее как вчера утром Хечма Нагондах, хозяин большой обувной лавки на площади Побед Гурига Седьмого, обнаружил, что ночью у него побывали воры и унесли полторы сотни левых туфель всех возможных размеров и фасонов. Одновременно поднял тревогу другой обувщик, Кхенга Бахонмамгон. У этого, напротив, не убыток, а навар – все левые туфли ему достались, в обмен на взломанные замки и, не знаю уж, ради какой надобности выбитое окно.

– Выдыхаются ребята, – огорчился Джуффин. – Недотянули. Надо было не полениться, забрать у Бахонмамгона все правые туфли и отнести в лавку Нагондаха. А то ерунда какая-то получилась. Незавершенный жест. И фальшивой Королевской печатью они, на мой взгляд, легкомысленно распорядились. И с краденым младенцем, похоже, сами не знали, как поступить. Самое время их поймать, пока окончательно не испортили себе репутацию… А что вы решили? Будете ввязываться в это дело? – Спросил он Кофу.

– Даже не знаю. С одной стороны, меня просили только помочь разыскать ребенка, который уже сам благополучно нашелся. С другой стороны, не верится, что полиция сможет поймать этих шутников, а оставлять все как есть рисковано – если уж они детей похищать начали. Неровен час, войдут во вкус. С третьей стороны, серьезной угрозой безопасности Соединенного Королевства эту возню при всем желании не назовешь, а мне и без них есть чем заняться. С четвертой…

На этом месте Кофа надолго умолк. Повертел в руках пустую кружку, снова поставил ее на стол. Набил трубку, но раскуривать не стал. Наконец, раздраженно пожал плечами и сказал:

– Меня почему-то тревожат эти дурацкие истории. Не как государственного служащего, а как частное лицо. Будят какие-то смутные воспоминания. Готов поклясться, что пока я был начальником Правобережной полиции, ничего подобного не происходило, и, в то же время, не могу отделаться от ощущения, что все это я уже когда-то не то слышал, не то читал. Хотя где, интересно, я мог такое читать? Разве только в газете. Но бы тогда читали и все остальные. И кто-нибудь обязательно вспомнил бы – вот вы, к примеру.

– В газетах ничего подобного не писали, – согласился Джуффин. – Я бы не забыл.

– И детективов у вас никто не сочиняет, – завел я свою любимую скорбную песнь. – А то было бы ясно, где такую ерунду можно вычитать.

– Чего у нас не сочиняют? – рассеянно переспросил Кофа.

– Детективов. Книжек с вымышленными историями про вымышленные преступления, которые распутывают ничуть не менее вымышленные, а потому гениальные сыщики.

– Книжек? – Кофа посмотрел на меня так, словно я только что совершил выдающееся научное открытие. – Слушай, а ведь точно!

– Что? – хором переспросили мы с Джуффином.

Не знаю, почему так удивился шеф, а лично я был потрясен – неужели в Соединенном Королевстве все-таки пишут и издают детективы? И как тогда могло получиться, что о них не слышал ни призрачный библиотекарь, ни даже всеведущий сэр Шурф? Вряд ли он стал бы скрывать от меня столь важную информацию.

– Книга, – коротко сказал Кофа. – Я вам потом расскажу. Сперва надо обо всем этом хорошенько подумать. Извините.

Он поспешно избавился от тюрбана-клумбы, снял увешанное погремушками лоохи, под ним оказалось еще одно, старое, цвета, как сказал бы сэр Мелифаро, печальных воспоминаний о расстройстве желудка, но, в отличие от предыдущего, вполне пригодное для появления в общественных местах, и поспешно вышел. Мы с Джуффином изумленно переглянулись.

– Неужели он действительно читал такой детектив? – спросил я.

– Вряд ли, – задумчиво сказал Джуффин. – Потому что у нас ничего подобного не пишут. И, насколько мне известно, никогда не писали. Да и зачем бы?

– Ради развлечения, – усмехнулся я. – Сами же говорили, что это – понятная цель.

– До сих пор никому не приходило в голову развлекаться таким образом, – пожал плечами шеф.

– Вот то-то и оно, – укоризненно сказал я. Как будто ответственность за это упущение лежала именно на Джуффине.

В каком-то смысле так оно и было. В конце концов, именно сэр Джуффин Халли заманил бедного наивного меня в чужой незнакомый Мир, не предупредив, что тут даже почитать на досуге толком нечего.

Зато с шефом можно поговорить, и обычно это гораздо интереснее любого детектива. Поэтому я спросил:

– Что вы думаете обо всех этих историях?

– Что с ними придется разбираться Кофе, хочет он того, или нет. А это означает, что я могу о них вовсе не думать.

Ловко выкрутился.

– Ладно, – вздохнул я. – Пойду тогда умру от любопытства в ближайшем темном углу.

– Не советую. В «Обжоре Бунбе», как назло, ни одного темного угла, все светлые. А ты, меж тем, похож на человека, забывшего, что слово «завтрак» имеет утилитарное, практическое и очень приятное значение.

– Ладно, – согласился я, – как скажете. Тогда умру от любопытства в светлом углу, сразу после практического и приятного завтрака. – Я взял со спинки кресла лоохи с погремушками. – Как вы думаете, Кофа не рассердится, если я позаимствую эту красоту?

– Зачем оно тебе? – опешил Джуффин.

– Как – зачем? Людей пугать. По-моему, это гораздо эффектней, чем Мантия Смерти, которая, по правде сказать, изрядно мне надоела.

– Я прожил очень долгую и непростую жизнь, – с неприсущим ему пафосом заявил шеф. – Постиг несметное множество тайн, совершил не одну сотню великих дел, обрел невиданное могущество и практически неограниченную власть. Будучи человеком неглупым и склонным к философствованию, я не раз задавался вопросом: ради чего было так суетиться? И вот наконец ответ мне ясен.

Сказать, что я охренел от такого его выступления – это ничего не сказать.

– Весь мой жизненный путь, – продолжал ораторствовать сэр Джуффин, – был средством для достижения великой цели: стать однажды твоим начальником. И в один прекрасный день, когда дальнейшая судьба Мира будет целиком зависеть от моего решения, твердо сказать тебе: «Нет». Нет, сэр Макс. Ты не станешь бегать по улицам в таком виде. Это исключено.

– Уффф, – выдохнул я. – Ну и напугали вы меня! Я уже было подумал…

– Что я рехнулся? – подсказал шеф. – Значит, мы квиты. Потому что я подумал о тебе ровно то же самое, когда ты ухватился за эту тряпку.

– Скажете тоже. Я просто собирался немного подразнить Мелифаро. Объявить, что такая одежда снова входит в моду, как при Клакках. И посмотреть на его лицо. И все.

– Обойдешься, – Джуффин был неумолим. – Сэр Мелифаро мой заместитель, и он нужен мне в добром здравии. Ты, кстати, тоже. Поэтому пока не позавтракаешь, на глаза мне не показывайся.

– А потом, что ли, показаться? – удивился я.

– Поживем – увидим, – неопределенно ответил он.

В последнее время эта фраза звучала из уст шефа так часто, что я начал считать ее синонимом глагола «отвяжись». Но сегодня даже обрадовался. Отпуск, похоже, продолжается. Очень хорошо.

На всякий случай я уточнил:

– А вечером имеет смысл приходить?

Слухи о том, что у сэра Джуффина Халли нет сердца, конечно же, изрядное преувеличение. Сердце у Почтеннейшего Начальника Тайного Сыска безусловно есть. Вернее, оно у него время от времени появляется. Раз пять-шесть в год на несколько минут. И сейчас, похоже, наступил именно такой момент. По крайней мере, шеф глядел на меня с неподдельным сочувствием.

– Когда выяснилось, что ты временно вышел из строя, я организовал работу Тайного Сыска так, чтобы обходиться без тебя, как минимум, до начала зимы. Возможно, я был неправ, и следовало, наоборот, завалить тебя какими-нибудь дурацкими делами. Не знаю, сэр Макс. Решай сам. Честно говоря, особой надобности в твоих ночных дежурствах сейчас нет, но если тебе очень надоело бездельничать…

Я помотал головой.

– Нет-нет, что вы. Совершенно не надоело.

И замер, наслаждаясь произведенным эффектом.

Это был мой звездный час. Вообще-то сэр Джуффин Халли знает меня как облупленного, видит насквозь и обычно может предсказать мои слова

и поступки задолго до того, как я сам пойму, чего мне сейчас хочется. Но тут он, конечно, сел в лужу. И так удивился, что не стал ломать комедию, а прямо спросил:

– А на кой тогда ты морочишь мне голову?

– Чтобы знать заранее, отменять ли вечеринку, – объяснил я. – А то гости придут, а я на службе. Им, конечно, от этого только радость, но я, сами знаете, злодей, каких мало, и твердо намерен испортить им праздник своим присутствием.

– Похвальное намерение, – согласился Джуффин. – Грех было бы препятствовать.

– А вы ко мне в Мохнатый Дом так ни разу и не зашли, – сказал я. – Если из-за Королевского повара, так имейте в виду, я строго-настрого запретил ему готовить что-либо, кроме пирожных для девочек. Благо они по-прежнему считают, что сладкое не может быть невкусным, и сметают что ни попадя… Или у вас просто нет времени?

– Времени, конечно, нет. Но дело даже не в этом. Ну вот смотри. У меня самого когда-то был начальник. Самый лучший начальник в Мире, потрясающий учитель, главная удача моей жизни – уж насколько я был молодой дурак, а это и тогда прекрасно понимал. Да ты сам с ним знаком, значит, примерно представляешь.

Я молча кивнул. Махи Аинти, старый шериф Кеттари, в свое время произвел на меня впечатление столь неизгладимое, что выразить его словами было решительно невозможно.

– Но если бы я пришел на вечеринку и обнаружил там Махи, я бы наспех сочинил какой-нибудь благовидный предлог и пулей вылетел на улицу, – неожиданно закончил Джуффин.

– Но почему? – озадаченно спросил я.

– Да просто потому, что вечеринка – не то время и место, когда человеку хочется иметь дело с собственным начальником.

– Ну, не знаю, – вздохнул я. – Лично мне абсолютно все равно, где и когда иметь с вами дело. Лишь бы почаще.

– Так то ты, – усмехнулся шеф. – У тебя, в отличие от нормальных людей, нет чувства иерархии. То есть, теоретически ты, конечно, знаешь, что я – твой начальник, могущественный колдун и вообще важная персона. Но ничего особенного по этому поводу не чувствуешь. И не почувствуешь, даже если специально постараешься. Я же видел, как ты мучался перед первой встречей с Королем, пытался заставить себя ощутить хоть намек на трепет и благоговение – исключительно из вежливости, как я понимаю. Чтобы не обидеть ненароком хорошего человека. И как расслабился, когда увидел, что Гуригу трепет и благоговение даром не нужны, а значит, можно не ломать комедию, бездарно изображая неведомые тебе чувства. И слуг ты никогда не хотел заводить ровно из тех же соображений. Обращаться с другими людьми как с подчиненными и принимать от них знаки почтения для тебя скучная, утомительная, бессмысленная игра. Готов спорить, что в Мохнатом Доме ты их просто не замечаешь, предоставляя отдуваться девочкам. Оно и правильно, повелевать – не твое призвание. Ты можешь знать и думать о человеке все что угодно или вовсе ничего, считать его напыщенным болваном или, напротив, центром своей вселенной, но в тот момент, когда ты смотришь ему в глаза, ты имеешь дело с равным, иной подход для тебя немыслим. И это, к слову сказать, одно из лучших твоих качеств.

– Я думал, все примерно так устроены, – растерянно сказал я. – Кроме совсем уж конченых идиотов, которые принимают дурацкие формальности за чистую монету. А все нормальные люди просто делают вид – из вежливости, потому что так принято. Привычный ритуал, успокаивает нервы и упорядочивает жизнь… Нет?

– Нет, – улыбнулся Джуффин. – Никто так не устроен, кроме тебя. Или почти никто. Лично мне понадобилось несколько сотен лет, чтобы избавиться от внутренней потребности делить человечество на тех, кто «выше» и «ниже» меня. Собственно, до сих пор иногда делю – просто по привычке. А я, уж поверь, никогда не был конченым идотом.

– Это в общем довольно заметно, – невольно улыбнулся я. – Ладно. Из нашей беседы я понял две, в сущности, печальные вещи. Во-первых, жизнь гораздо более сложная штука, чем я думал. А во-вторых, вы не придете ко мне в гости. Очень жаль, потому что мне уже давным-давно не с кем сыграть в карты.

Все знают, что это именно вы научили меня играть в «Крак», а потому наотрез отказываются иметь со мной дело.

Шеф посмотрел на меня с интересом. Примерно как пьяница на бутылку в витрине закрытой лавки.

– Такая постановка вопроса не приходила мне в голову, – сказал он. – Нынче вечером я действительно очень занят, но в ближайшее время непременно воспользуюсь твоим приглашением. Постарайся дожить до этого дня. Мои рекомендации: что-нибудь сожрать. Немедленно!

Я кивнул и поспешно вышел.

…Собственно, я и сам давным-давно хотел позавтракать. Затем, можно сказать, из дома вышел. А все же отправился не в «Обжору Бунбу», куда столь настойчиво посылал меня сэр Джуффин, а в кабинет Шурфа Лонли-Локли. Вдруг он сейчас там сидит, как дурак, вместо того, чтобы идти со мной в трактир?

Он действительно был на месте. Сидел за столом – с идеально прямой спиной, в безупречно белых одеждах. И что-то писал в своей рабочей тетрадке. Это зрелище всегда действовало на меня умиротворяюще.

Какое-то время я в трепетном молчании топтался на пороге, не решаясь отвлечь сэра Лонли-Локли от его достойного занятия. Целую секунду, а возможно, даже полторы. Потом, конечно, отвлек.

– Я только что выяснил, почему я тебя так раздражаю! – выпалил я.

Сэр Шурф закрыл тетрадку, поднял на меня глаза и какое-то время разглядывал с кроткой заинтересованностью опытного санитара.

– А ты меня раздражаешь? – наконец спросил он. – Интересные дела. Я не знал.

Такая реакция могла бы обескуражить кого угодно, но только не меня. И уж точно не в тот судьбоносный момент, когда я одержим стремлением принести человечеству в лице своего собеседника свет тайного знания о загадочных

глубинах моей тонкой души. Поэтому от его реплики я отмахнулся, как от досадной помехи. И сообщил:

– У меня, оказывается, нет чувства иерархии. То есть, вообще. Ни намека. Это, конечно, не то чтобы новость, но Джуффин сказал, у всех остальных оно есть. И вот это – да, потрясающее открытие. По крайней мере, для меня. И я сразу подумал о тебе. Что у тебя чувство иерархии, наверное, очень сильное. А тут вдруг, откуда ни возьмись, я – совсем без него. Вечно смешиваю важное с неважным, первоочередное с ненужным, поэзию с новостями из «Суеты Exo», а…

– Смешиваешь, – согласился сэр Шурф. – Но с чего ты решил, будто меня это должно раздражать? Конечно, ты вносишь в жизнь хаос. И лично на меня это действует освежающе. Прежде, то есть когда ты еще не жил в Exo, мне было гораздо труднее найти подходящий способ как следует встряхнуться. Разнообразные зелья – удовольствие не для каждого дня; прогулки по Темной Стороне – тем более. А теперь и искать не надо. Ты обычно сам меня находишь. За что тебе, конечно, большое спасибо.

– Ну надо же, – обрадовался я. – Так тебе это нравится? А я-то шел сюда с намерением пообещать пореже попадаться тебе на глаза. Чтобы ты не очень мучился. Но, получается, не надо?

– Совершенно ни к чему, – серьезно подтвердил он.

– Тогда пошли завтракать.

– Все, что я могу сделать в сложившейся ситуации, – это пойти с тобой обедать, – твердо сказал сэр Шурф. – При всем моем уважении к твоим бесчисленным причудам, сэр Макс, послеполуденная трапеза завтраком считаться не может.

Фантастический он был тогда зануда. Меня это совершенно завораживало.

…– Слушай, а почему ты никогда не рассказывал мне о Незримой Библиотеке? – спросил я, когда нам принесли еду. – Она же в моем Мохнатом Доме была, оказывается.

Сказал и тут же прикусил язык. Заводить такие разговоры с Шурфом Лонли-Локли совершенно не следовало – если уж мой подвал стал убежищем для призраков библиотекарей. Я, конечно, был уверен, что, в случае чего, грудью встану на их защиту, а все-таки лучше было бы избежать такой необходимости.

Но Шурф, к счастью, смотрел в тарелку, а не на меня, поэтому не заметил моего смятения. Равнодушно пожал плечами.

– С тем же успехом ты мог бы спросить, почему я никогда не рассказывал тебе о невидимом королевском дворце на дне Хурона, летающем мече Лайли Аккитхерро Чиойджи, который после смерти хозяина совсем спятил, сбежал от наследников и теперь стрижет одиноких прохожих на северной окраине Левобережья, или о Бахтынде Говорящей Булочке, которая любит тайком забираться в чужие хлебницы и пугать людей своим низким басом. Мы не так долго знакомы, чтобы я успел пересказать тебе все завиральные городские байки, которые слышал на своем веку. Тем более, что чувство иерархии, о котором ты давеча столь страстно говорил, подсказывает мне, что есть гораздо более интересные темы для разговоров.

– Так Незримая Библиотека – это просто завиральная байка? – спросил я. И невинно добавил: – Надо же, а я в нее сразу поверил.

– Неудивительно, – согласился Шурф. – В свое время я и сам сразу в нее поверил. И упорно верил, пока не получил надежные доказательства обратного. Сейчас, задним числом, я понимаю, что это было одно из самых горьких разочарований моей жизни. Мне было чрезвычайно приятно думать, что Незримая Библиотека существует, и я, конечно, надеялся, что рано или поздно до нее доберусь.

Я окончательно пожалел, что завязал такой разговор. Думал, это будет весело – слушать, как Шурф пересказывает жалкое подобие истории, которую я знаю из первых рук, изображать почтительное внимание, задавать идиотские вопросы, и все в таком духе. Но вместо смеха меня теперь терзало желание немедленно все ему выложить. Спасти Шурфа Лонли-Локли от самого большого разочарования его жизни – о подобной ситуации до сих пор можно было только мечтать. Это был бы жест беспредельного милосердия и одновременно демонстрация собственной осведомленности – великий соблазн. Однако безопасность библиотекарей, конечно же, перевешивала все прочие соображения. Похоже, сэр Джуффин заблуждался на мой счет. У меня все-таки есть пресловутое чувство иерархии. Просто я им очень редко пользуюсь.

– А кстати, кто тебе рассказал про Незримую библиотеку? – поинтересовался Шурф. И поспешно добавил: – Можешь не отвечать, если это противоречит твоим этическим принципам. Мною руководит вполне праздный интерес к источникам и путям распространения городского фольклора.

Пока он витийствовал, я успел сочинить вполне качественную легенду.
И небрежно ответил:

– Да ну, какие этические принципы. Какой-то старичок вчера ночью в трактире рассказал. Очень словоохотливый попался. Домочадцы, небось, от его баек давно устали, а тут такой прекрасный я в поисках развлечений. Отвез тебя домой и отправился праздновать окончание восьмого тома «Энциклопедии Мира», вернее, заливать горе…

– Погоди, а почему ты не поехал в книжную лавку? Я же рекомендовал тебе несколько.

– Так заполночь уже было, – напомнил я.

– Ну да. Самое время отправляться за книгами. До обеда книжные лавки обычно закрыты, зато всю ночь напролет там двери нараспашку.

– Потрясающе, – вздохнул я. – Что ж ты вчера не сказал?

– Прости. Был совершенно уверен, что ты и сам знаешь. Некоторые вещи кажутся настолько очевидными, что в голову не приходит лишний раз их обсуждать. Небо – сверху, земля – снизу, ходить следует, поочередно переставляя ноги, еду – класть в рот, детей – не бить, отправляться в книжные лавки – по ночам.

Я был чертовски рад, что он принял моего наспех выдуманного болтливого старичка за чистую монету и даже не стал уточнять название трактира, где мы якобы беседовали, а потому не выступил с пламенной речью в защиту прыжков на одной ножке как вполне легитимного способа передвижения. Хотя, конечно, следовало бы.

Потом Шурф отправился в Дом у Моста, а я остался в «Обжоре Бунбе» с кувшином камры на столе и здоровенным камнем на сердце. Одно из самых горьких разочарований его жизни, – думал я. – Ну надо же. Вот бедняга.

Единоличное обладание тайной Незримой Библиотеки оказалось вовсе не таким большим удовольствием, как я себе представлял.

К вечеру, впрочем, настроение мое исправилось – во многом, благодаря мемуарам Гохиэммы Фиаульфмаха Дрёя, первого йожоя в истории Укумбийских островов и, следовательно, всего Мира, поскольку ничего хотя бы отдаленно напоминающего институт йожоев нет больше ни в одной культуре.

Йожой – это укумбийский заклинатель бурь. Йожой непременно должен быть горьким пьяницей; это условие необходимое, но не достаточное: мало кто из пьяниц может стать настоящим йожоем.

Гохиэмма Фиаульфмах Дрёй, первый йожой, сделался таковым, если верить его мемуарам, совершенно случайно. Особого пристрастия к выпивке он не имел, но однажды по воле случая оказался на совершенно пустом корабле с большим запасом бомборокки и без единой крошки провианта. Бедняга провел в открытом море несколько дюжин дней; воспоминания его об этом периоде, мягко говоря, несколько размыты. Но факт, что в конце концов он сумел как-то договориться с морем и ветрами; во всяком случае, сотни свидетелей видели, как огромная волна принесла и аккуратно поставила на берег корабль, на палубе которого валялся до изумления пьяный Гохиэмма Фиаульфмах Дрёй. Будучи в тяжелом похмелье, он объявил себя великим заклинателем бурь, а проспавшись, стал собирать учеников. Принимал всех, кто приходил с собственной лодкой и запасом выпивки, или деньгами на оплату этих расходов, поскольку учебный процесс выглядел следующим образом: желающего стать йожоем вывозили далеко в открытое море, там спускали на воду лодку, тяжело груженую спиртным, и оставляли беднягу на произвол судьбы. Выживал в такой непростой ситуации примерно один из дюжины, и уж он-то возвращался домой настоящим йожоем, умеющим договориться с любой бурей. Все сходились во мнении, что это очень неплохой процент. Капитаны пиратских кораблей – иных на Укумбийских островах попросту нет – быстро смекнули, что к чему, и тогда желающие принять в свою команду йожоя выстроились в очередь. Заклинателей бурь по сей день гораздо меньше, чем охотников дать им работу. Все укумбийские пьяницы мечтают стать

йожоями, но мало кто решается попробовать, а ведь надо еще сколотить какой-никакой капиталл, чтобы оплатить учебу.

Гохиэмма Фиаульфмах Дрёй несколько лет обучал новых йожоев, потом заскучал, передал дело своему любимому ученику, благодаря стараниям которого эта прекрасная традиция сохранилась до наших дней, а сам, следуя не то призванию, не то амбициям, отправился в Exo, где основал Орден Пьяного Ветра. Этот Орден, как ни удивительно, просуществовал примерно полторы сотни лет прежде, чем естественным образом развалился по причине беспробудного пьянства всех без исключения Магистров и послушников. Великий Магистр, впрочем, жил еще долго и, похоже, вполне счастливо – бросил пить, женился, вырастил шестерых сыновей, разбил огромный сад, собрал выдающуюся коллекцию флюгеров и заодно написал мемуары, которые теперь, восемьсот лет спустя после его смерти, стали букинистической редкостью и стоили, как не слишком подержанный амобилер. Впрочем, я счел эту трату одной из самых разумных в своей жизни – книга оказалась даже более захватывающей, чем самые интересные статьи «Энциклопедии Мира», а мне только того и требовалось.

За чтением я не заметил, как наступил вечер. О его начале возвестил хлопок входной двери и последовавшее за ним появление моего друга Мелифаро. Он выглядел настолько взбудораженным, что я даже не стал комментировать его новый наряд, хотя сочетание зеленого, оранжевого и розового цветов, безусловно, заслуживает долгого, вдумчивого обсуждения, плавно переходящего в смертельную вражду. Однако, увидев его лицо, я сразу спросил:

– В Доме у Моста что-то случилось?

– Как раз там, вроде, ничего особенного, – буркнул Мелифаро.

Он рухнул в кресло и налил себе камры, полдюжины кувшинов которой я каждый вечер предусмотрительно заказывал в «Обжоре Бунбе», чтобы не дать окопавшемуся на моей кухне Королевскому повару ни единого шанса нас всех отравить.

Некоторое время Мелифаро загадочно молчал. Тянул паузу, драматург хренов. Наконец, спросил:

– Ты Кофу сегодня днем видел?

Я кивнул. И уточнил:

– Вскоре после полудня.

– Наряд его оценил?

– Наряд как наряд, – хладнокровно откликнулся я. – Вроде все наемные няньки в подобных ходят. Нет?

– Вот и пусть бы себе дальше ходили, – проворчал Мелифаро. – А нормальным людям погремушками обвешиваться – это ни в какие ворота.

– Ну так никто вроде и не обвешивается, – рассеянно отозвался я.

Несколько часов, проведенные за чтением мемуаров Гохиэммы Фиаульфмаха Дрёя, давали о себе знать. Сейчас я мог наизусть перечислить все тридцать восемь незнакомых мне прежде сортов Укумбийского бомборокки (из них в Ехо, как правило, попадает только довольно низкосортное пряное, да и то крайне редко, поскольку укумбийские пираты никогда не унижают себя честной торговлей). Мог относительно грамотно обсудить отличительные особенности парусной оснастки укумбийской шикки, воспроизвести близко к тексту добрую дюжину специфических пиратских проклятий, назвать по именам все ветра Укумбийского моря и довольно много рассказать о характере каждого. А все остальные темы казались мне незаслуживающей внимания ерундой. Давно я так не втягивался в чтение.

Но Мелифаро твердо решил вернуть меня к реальности.

– Я тоже сперва думал, Кофа просто нянькой оделся. С него станется, он же по дюжине раз на дню внешность меняет. Но Джуффин говорит, он в таком виде из замка Рулх вернулся. Там уже добрая половина придворных одета подобным образом. Король зачем-то решил возродить моду конца эпохи правления Клакков, когда все ходили, увешавшись погремушками. Всегда знал, что у Его Величества очень своеобразное чувство юмора, но не подозревал, что до такой степени.

Я начал понимать, что произошло. Сэр Джуффин Халли, Почтеннейший начальник Малого Тайного Сыскного войска, мудрый государственный деятель, самый могущественный колдун нашего времени, гроза мятежных магистров, видный политик, незаурядный мыслитель и, теоретически, чертовски занятой человек, не погнушался вероломно слямзить мою идею дурацкого розыгрыша. И, кстати, правильно сделал. Мне бы Мелифаро вряд ли поверил, а шеф, похоже, был чрезвычайно убедителен.

Но вслух я сказал:

– Ну и пусть себе во дворце одеваются, как хотят. Нам-то какое дело?

– По моим наблюдениям, для того, чтобы дворцовая мода стала столичной, требуется всего несколько дней, – вздохнул Мелифаро. – Еще около полугода понадобится, чтобы она расползлась по всему Соединенному Королевству. Ну, то есть в Гажине новую моду подхватят в тот же день и станут потом утверждать, будто это мы им подражаем, а в графстве Шимара, скорее всего, опомнятся не раньше, чем лет через сорок, но в среднем – вот такая скорость. Мы, к сожалению, не в графстве Шимара, а это означает, что лоохи с погремушками появятся в лавках буквально на днях.

– Ну и прекрасно, – откликнулся я. – На моей Мантии Смерти погремушки будут смотреться просто потрясающе.

– Да уж, – невольно ухмыльнулся Мелифаро. Но тут же снова приуныл.

– Если мода не нравится, ей не обязательно следовать, – примирительно сказал я. – За это, насколько мне известно, не бьют плеткой на площади Побед Гурига Седьмого.

– С моей точки зрения, человек в одежде, вышедшей из моды, выглядит как полный придурок, – сухо сказал Мелифаро. – Впрочем, человек, увешанный погремушками, выглядит ничуть не лучше. И как в такой ситуации сохранить достоинство? Мне совсем не нравится выбирать, к какой разновидости придурков примкнуть.

– Брось монетку, – посоветовал я.

Я бы, скорее всего, милосердно проболтался, поскольку сознательно мучить людей – не мое призвание. Но тут сверху спустились Хейлах и Хелви, а в дверь постучала их сестра Кенлех, которую я не так давно собственными руками выдал замуж за Мелифаро; впрочем, она, как ни странно, была совершенно этим довольна. Заполучив столь заинтересованую и благодарную аудиторию, Мелифаро снова завел трагическую песнь о входящих в моду погремушках, не жалея цветистых, как его гардероб, подробностей. Девочки внимательно слушали, кивали и ахали с деланным сочувствием, но выглядели скорее заинтересованными, чем шокированными. Зная их, я не сомневался, что нынче же вечером на лоохи Хейлах появится первая, очень скромная погремушечка, Хелви, как всегда, посмеется над сестрой, но завтра же нашьет себе, как минимум, дюжину. А бедняжка Кенлех еще немного потерпит из солидарности с мужем. Возможно, целых два дня. Все-таки они – очень дружная пара.

Так они общими усилиями, чего доброго, действительно введут в моду эти грешные погремушки, – подумал я. – И вот тогда шеф придет в ужас, покается и навеки заречется тырить мои идеи. Или нет?

Словом, вечер начался просто отлично. И продолжился соответственно. Как всегда.

Я уже говорил, что в те дни коллеги старались по мере возможности не оставлять меня в одиночестве. Они ходили в Мохнатый Дом, как на работу, и, я уверен, охотно являлись бы сюда вместо нее, с утра пораньше, если бы нашим начальником был не сэр Джуффин Халли, а какой-нибудь другой, более мягкосердечный человек.

Сказать, что я был бесконечно благодарен друзьям за эти вечеринки – пустой звук, жалкий лепет, бессмысленное бормотание в сравнении с тем чувством, которое я испытывал. Однако в этот вечер я то и дело ловил себя на том, что с нетерпением жду, когда они наконец отправятся по домам, а я смогу спуститься в подвал, где обитает Гюлли Ультеой. Вчера призрак обещал рассказать мне, почему в Мире нет художественной литературы, и я погибал от любопытства, предвкушая встречу.

Теперь, задним числом, я понимаю, что это был переломный момент. Тягостное существование, которое я влачил без Теххи, внезапно закончилось. Жизнь снова

стала интересной, и это оказалось важнее привязанностей, потерь и прорех, которые они оставляют в ткани бытия. «Мне интересно» – именно так выглядит моя персональная формула счастья, точнее, формула необходимой мне дыхательной смеси; весьма вероятно, что именно поэтому я до сих пор жив и, если верить моим ощущениям, вполне бессмертен. Или почти.

А тогда я, конечно, обо всем этом не думал, а просто ждал наступления ночи, еще не осознавая, но уже ощущая себя счастливым. То есть бескомпромиссно живым.

Наконец-то.

Меж тем все шло своим чередом. Хелви и Хейлах понемногу начали зевать и наконец, распрощавшись со всеми, отправились к себе; Мелифаро и Кенлех ушли домой, так что со мной остался только Нумминорих Кута. И, конечно, Шурф Лонли-Локли – как всегда, в подвале, среди старых книг. Именно сегодня это было чертовски некстати, и я понятия не имел, как его оттуда выкурить. Зато избавиться от Нумминориха было легче легкого. Он, собственно, и сам уже давно хотел ехать домой, но только после отправления важнейшего ритуала – прогулки с Друппи по ночному городу. Мой пес весь день ждал этого выхода втроем. Меня он просто бескорыстно любил, как положено хорошей собаке, а Нумминориха, похоже, считал своим лучшим другом и идеальным товарищем для игр. Для того, чтобы составить с ними совсем уж гармоничное трио, мне явно недоставало природной жизнерадостности, однако и так получалось неплохо: я неторопливо шагал по улице в сопровождении двух небольших, но разрушительных условно разумных смерчей, которые носились вокруг меня, сметая на своем пути если не все, то очень многое, включая немногочисленных прохожих. Сбитые с ног бедняги даже рассердиться толком не могли – такова была сила обаяния этих двух обалдуев.

Сегодняшняя прогулка ничем не отличалась от прочих, но, конечно, показалась мне самой долгой из всех. Библиотечные тайны тянули меня домой, как магнитом. Впрочем, прогулка все-таки закончилась – когда я уже практически потерял надежду.

Оказавшись дома, Друппи тут же завалился спать, даже не добравшись до своей миски – немудрено, после таких-то скачек. А я вернулся в гостиную и принялся думать, что мне делать с засевшим в моем подвале Шурфом Лонли-Локли.
Я не раз говорил, что с радостью умер бы ради него, и был при этом вполне искренен, но, конечно, совершенно не предполагал, что в один прекрасный день придется подтвердить слова делом. И уж точно не был готов к мучительной смерти от любопытства.

От природы я прямодушен – на мой взгляд, излишне – и совсем не хитер. Однако, оказавшись в по-настоящему безвыходной ситуации, становлюсь чрезвычайно ловким интриганом; к счастью для окружающих, очень ненадолго, а то даже и не знаю, как бы они выкручивались. Вот и сейчас спасительная идея посетила мою бедную голову, не дождавшись, пока я опустошу кружку камры, которую машинально себе налил.

Я взял под мышку мемуары укумбийского йожоя и отправился в подвал, вознося по дороге молитвы всем милосердным богам, чьи имена успел вспомнить, чтобы хозяин книжной лавки не соврал, и мой экземпляр действительно оказался уникальным, единственным из полудюжины сохранившихся, выставленным на продажу.

Сэр Шурф как раз рылся в содержимом одной из книжных полок и не был похож на человека, внезапно обретшего вожделенное сокровище. Это увеличивало мои шансы на успех.

– Смотри, что у меня есть, – сказал я. И сунул ему под нос мемуары Гохиэммы Фиаульфмаха Дрёя.

Дальнейшее может вообразить только человек, который не раз видел, как разгораются старые уличные фонари в городе, где я, если верить моим воспоминаниям, родился и вырос. Свет в таком фонаре сперва дрожит, как пламя свечи на ветру, постепенно бледнея и тускнея, а когда наблюдатель окончательно убеждается, что фонарь снова погас, вдруг вспыхивает, да так ярко, что весь синий сумеречный мир за пределами освещенного круга, кажется погруженным в непроницаемую тьму.

Вот именно так обстояли дела с моим другом. Поначалу он недоверчиво разглядывал книгу: ну-ка, что тут у нас? Это?!.. Да нет, не может быть.

Откуда бы. Или все-таки?.. Наконец, убедился, что разноцветные буквы, от руки написанные на обложке неизвестным типографским художником, ему не мерещатся и действительно складываются в те слова, которые он прочитал с самого начала: «Правдивое жизнеописание Гохиэммы Фиаульфмаха Дрёя, Изначального Йожоя и Великого Магистра Ордена Пьяного Ветра, составленное им самим».

И вот тогда глаза Лонли-Локли вспыхнули, да так, что я до сих пор не понимаю, как от этого пламени не загорелись книги на ближайшей полке – я-то стоял совсем рядом и не мог не почувствовать, каким горячим стал воздух.

Впрочем, голос его остался таким же спокойным, как всегда. Даже не дрогнул, когда сэр Шурф строго спросил меня:

– Где ты это взял?

Интересно, что он ожидал услышать? Что я ограбил библиотеку Ордена Семилистника? Или отправился на тот свет и разыскал там автора, у которого совершенно случайно оказался при себе лишний экземпляр? Не сомневаюсь, что сэр Шурф в любом случае и бровью не повел бы. Он всегда готов ждать от меня чего угодно – подозреваю, гораздо большего, чем я хотя бы теоретически способен натворить. И это, честно говоря, очень воодушевляет.

Мне даже неловко было признаваться, что я просто купил книгу в лавке, как распоследний дурак. Но пришлось.

– В «Дедушкиных книгах» на улице Акробатов. Ты же сам мне вчера эту лавку присоветовал.

– И она там просто стояла на полке? – продолжал допытываться Шурф.

– Ну, по крайней мере, не висела под потолком на веревочке. И не была прибита гвоздями к стене. Стояла… Нет, знаешь, все-таки лежала под стеклом, в такой специальной закрытой на замок витрине. Неудивительно, она же каких-то страшных денег стоит. Хозяин сказал, единственный из сохранившихся экземпляров, оказавшийся в свободной продаже. Но мне было плевать. Лишь бы интересно.

– Ты все-таки самый удачливый человек из всех, кого я знаю, – Шурф покачал головой, как мне показалось, укоризненно. – Зайти в книжную лавку именно в тот день, когда там появилась столь уникальная редкость. И при этом иметь достаточно денег, чтобы купить ее, не считаясь с ценой. Просто для развлечения.

– Развлечение – это жизненно важно, – заметил я. – По крайней мере, для меня. Сейчас. Впрочем, нет, всегда. Но самый удачливый человек в Мире – это все-таки не я, а ты. Книгу я уже прочитал. Следовательно, она твоя.

К тому времени мы с Шурфом Лонли-Локли побывали в самых разных переделках. Включая путешествие на изнанку Темной Стороны замка Рулх, которой, теоретически, вообще не существует. И жизнь я ему пару раз спасал, было дело. Практически случайно, но все-таки. И даже книги из щели между Мирами я для него доставал – примерно такие же несуществующие и невозможные, как изнанка Темной Стороны. Однако никогда прежде он не смотрел на меня с такой смесью восхищения и благодарности. Я, конечно, надеялся, что Шурф обрадуется подарку, но совершенно не ожидал такого эффекта. Подумаешь, букинистическая редкость. Небось и покруче есть.

– Это очень неожиданно, – наконец сказал он. – И я, как видишь, совершенно растерян.

– По-моему, это совершенно естественно – прочитать интересную книгу и отдать ее другу, которому она явно нужнее, – смущенно сказал я. – Всю жизнь так поступал.

– Дело даже не в твоей щедрости, в которой я никогда не сомневался. Просто, видишь ли, произошло совершенно невероятное совпадение. Я коллекционирую книги раннего периода Эпохи Орденов – не все подряд, а именно такие, как эта, напечатанные типографским способом, но с рукописными обложками. Их делали недолго, всего несколько лет – таковы причуды книгоиздательской моды. Мне уже удалось найти все известные на сегодняшний день издания, кроме того, что я сейчас держу в руках. И единственным шансом когда-нибудь заполучить эту книгу я полагал кончину одного из коллекционеров – в подобных случаях наследники нередко выставляют библиотеку на аукцион, полностью, или по частям… Хотел бы я знать, откуда взялся этот экземпляр?

– Ну так расспроси хозяина лавки, – посоветовал я и притворно зевнул, да так сладко, что сам себе почти поверил. Сказал небрежно: – Кстати, если тебе не терпится поговорить с ним прямо сейчас, я отнесусь к этому с пониманием. Потому что сам отправляюсь спать. Вроде рано еще, а уже на ногах еле стою.

– Ну, если так… – задумчиво сказал сэр Шурф.

И наконец-то пошел к выходу. Я едва сдерживал желание сплясать какой-нибудь дикарский танец, символизирующий радость победы.

Впрочем, я все-таки сплясал от полноты чувств – когда амобилер Шурфа скрылся за поворотом.

Сказал бы мне кто-нибудь всего сутки назад, что буквально завтра я уже буду не просто готов остаться один в почти пустом спящем доме, но еще и с восторгом приплачу за такую возможность несколько сотен корон, я бы долго и горько хохотал, трагически заламывая руки. Никогда не знаешь, чего ожидать от судьбы, и в моем случае это совершенно точно хорошая новость, что бы я ни говорил по этому поводу в редкие минуты слабости.

Гюлли Ультеой приветствовал меня, возбужденно мерцая в ближайшем ко входу углу.

– Потрясающе! – не здороваясь, выпалил он. – На моем долгом веку, конечно, встречались люди, полагавшие меня довольно занятным собеседником. Но вы первый, кто заплатил за возможность поговорить со мной столь высокую цену.

– Не такую уж высокую, – смущенно сказал я. – У меня до неприличия огромное жалование. Ну и книга попала в хорошие руки, ее интересы тоже следует учитывать.

– Вы говорите, как настоящий библиотекарь, – восхитился призрак. – Обычно людям и в голову не приходит заботиться об интересах книг.

Выслушивать все эти незаслуженные, в сущности, комплименты мне было неловко, и я попробовал сменить тему.

– Ужасно его жаль.

– Кого? – удивился призрак.

– Моего друга, который только что отсюда ушел. Он, оказывается, с детства мечтал попасть в вашу Незримую Библиотеку. А потом выяснил, что ее не существует, и это стало одним из самых горьких разочарований в его жизни… Но кстати, вот чего я не пойму: как получилось, что он тут чуть ли не каждую ночь сидит и до сих пор ничего не заметил? Все-таки сэр Лонли-Локли очень могущественный колдун, а вы говорили, такие ваши книги могут не только видеть, но и читать без посторонней помощи.

– Ну так для этого сперва следует исполнить особый ритуал, – объяснил Гюлли Ультеой. – И довольно сложный, случайно такое никто не сделает.

– Но вас и ваших коллег можно увидеть без специального ритуала. Я же увидел.

– Только если мы сами того захотим. Обычно призракам действительно нелегко бывает спрятаться в закрытом помещении от опытного в таких делах человека. Но у нас было достаточно времени и полезных книг под рукой, чтобы научиться хорошо прятаться. Именно поэтому сейчас вы видите только меня, а мои коллеги без труда скрываются от вашего взора.

– Получается, вы здесь в полной безопасности? – обрадовался я. – И если на голову вам и вашим коллегам вдруг свалятся мои…

– Если они просто зайдут порыться в книгах, никаких проблем. Но если знающие и могущественные люди сознательно откроют охоту, долго мы, боюсь, не продержимся. Поэтому, пожалуйста, не отказывайтесь от своего благородного намерения хранить все в тайне.

– Можете на меня расчитывать, – пообещал я. И, набравшись решимости, спросил: – А вы не передумали объяснить мне, почему в этом Мире нет художественной литературы?

Одно из моих сердец при этом замерло от волнения, а второе, напротив, принялось колотиться о ребра с энтузиазмом, достойным лучшего применения.

– Ну что вы, – успокоил меня Гюлли Ультеой. – Мой профессиональный долг – делиться знанием с теми, кто в нем нуждается. Ну и потом, я просто соскучился по возможности поговорить. Боюсь, остановить меня вам будет непросто.

Вот уж чего я точно делать не собирался.

И призрак принялся рассказывать.

– Впервые традиция сочинять романы, то есть истории о похождениях вымышленных героев, возникла в Уандуке, во времена столь давние, что я, если позволите, воздержусь от конкретных цифр, дабы не показаться вам безответственным фантазером в самом начале повествования.

– Ну надо же, – изумился я. – А мне говорили, что в Уандуке вообще никогда ничего подобного не было. Древняя традиция устного рассказа, и хоть ты тресни.

– Это одно из самых распространенных заблуждений. Обитали Уандука и сами в этом сейчас совершенно уверены. Понятно почему: их мудрые предки сделали все для того, чтобы традиция письменного сочинительства была не просто забыта, но считалась чем-то немыслимым, противоестественным.
Не соблазнительно запретным делом, а просто несовместимым с человеческой природой, как, скажем, питание расплавленными металлами или отращивание пяти дополнительных пар ног. Чтобы в голову никому ничего подобного не пришло – разве только в качестве абсурдной шутки.

Я обиженно насупился. У меня возникло ощущение, что эти самые «мудрые предки» заранее предвидели мое появление, долго ломали голову, как бы мне досадить, и вполне преуспели.

– О древней магии Уандука сегодня известно очень немного, – продолжил Гюлли Ультеой. – Однако принято считать, что лучшие из тамошних колдунов превосходили наши самые смелые фантазии о могуществе, и я бы не назвал такое предположение вовсе безосновательным. К счастью, уроженцы Уандука от природы довольно ленивы, любопытны и охочи до развлечений, поэтому они предпочитали направлять усилия скорее на исследование Мира и изобретение способов получить удовольствие от пребывания в нем, чем на преобразование

природы. А то даже и не знаю, в сколь причудливой реальности мы сейчас могли бы оказаться.

На мой взгляд, реальность, предоставленная в наше распоряжение, и без того была причудлива – дальше некуда. Взять хотя бы моего нового приятеля, библиотечного призрака, являвшегося совершенно естественной ее частью. Но я прикусил язык, сообразив, что если стану комментировать каждую фразу рассказчика, до сути мы, пожалуй, и к утру не доберемся.

– Собственно, именно любовь уандукцев к разнообразным развлечениям и привела к появлению романов. То есть сперва – просто занимательных вымышленных историй, которые было принято рассказывать друг другу на досуге; забегая вперед, отмечу, что их потомки по сей день с удовольствием предаются этому занятию. Постепенно истории становились все длинней и запутанней, так что слушания растягивались на несколько вечеров; по этому поводу было принято устраивать относительно скромные – чтобы не отвлекали от рассказа – пиры. Время от времени у людей возникало желание поделиться услышанным с отсутствовавшими друзьями, а охотников рассказывать одно и то же по несколько раз кряду поди сыщи; впрочем, когда кто-то все же соглашался повторить повествование для новой аудитории, одни детали забывались, другие появлялись, и, в итоге, выходило нечто совершенно иное. Тогда на помощь пришли уже имевшие хождение в Уандуке самопишущие таблички. Оказалось, что рассказчику достаточно просто держать табличку в руках, вооружившись соответствующим намерением, и все его слова записывались в точности. За табличками, побывавшими в руках некоторых особо одаренных рассказчиков, выстраивались длиннейшие очереди. Проблема была решена, когда некто – молва, ставшая основой исторических хроник, бездоказательно приписывает это легендарному хитрецу по имени Хэльтэлерли Атоммаэффи Унхай, чья слава в ту пору была такова, что ему приписывали вообще все изобретения и новшества – придумал способ быстро превращать одну табличку в дюжину. Копии лишь в одном уступали оригиналу – были более хрупкими; впрочем если не задаваться целью поминутно ронять их на пол, с этим недостатком вполне можно было смириться. Потом новомодным развлечением заинтересовался кто-то из куманских принцесс, и ради столь высокопоставленной особы вымышленные истории были впервые тщательно отредактированы придворными учеными, перенесены на бумагу и переплетены, то есть, стали самыми настоящими книгами, подобными – не по содержанию, но по форме – ученым трактатам и жизнеописаниям правителей. Читать книги гораздо удобнее, чем самопишущие таблички, и вскоре все богачи ринулись заказывать себе копии. Дело было поставлено на поток, так что тираж каждой

мало-мальски занимательной вымышленной истории стал исчисляться сотнями, а потом и тысячами экземпляров. Чтение надолго стало модным увлечением, а сочинение новых историй – довольно доходным делом. Впрочем, я уверен, вы имеете некоторое представление о книгоиздании и не нуждаетесь в дополнительных разъяснениях.

Я кивнул. Как и почему романы стали популярны, и так более-менее понятно. Гораздо интереснее, с какой радости они накрылись медным тазом.

– На этом месте, – сказал Гюлли Ультеой, – следует еще раз вспомнить, что магические искусства древнего Уандука были на высоте, недостижимой даже для самых могущественных угуландских колдунов расцвета Эпохи Орденов. И уж точно совершенно немыслимой для наших современников. Ученые историки любят поспорить о причинах упадка магических традиций Уандука. Большинство утверждает, будто дело в том, что лучшие из лучших тамошних магов отправились с Ульвиаром Безликим к нам, на Хонхону и, таким образом, просто перевезли знания с одного материка на другой. Их противники вполне аргументированно возражают, что Ульвиар Безликий и его соратники у себя дома были вполне посредственными чародеями, просто вблизи от Сердца Мира их могущество многократно возросло, как это всегда случается в Угуланде с мало-мальски сведущими в колдовстве иноземцами. Поэтому – говорят они – и речи быть не может о «переезде» знаний с места на место, просто всякой традиции свойственно со временем угасать, а история Уандукской магии исчисляется многими сотнями тысяч лет. Ничего удивительного, что современным жителям Уандука остались лишь предания о могуществе предков – если даже относительно молодая Угуландская магия уже пережила свой расцвет. Есть и те, кто считает, что с Уандукской магией все по-прежнему в полном порядке, просто у хранителей этой традиции было достаточно времени, чтобы научиться не выставлять свои знания и умения напоказ и не обучать высоким искусствам кого попало; если вам интересно мое скромное мнение, признаюсь, что я вполне солидарен с этой немногочисленной группой исследователей. Все, что находится на виду, со временем утрачивает смысл, тогда как тайное, напротив, им прирастает. Понимаю, что в моих устах это звучит, как самоутешение; отчасти так оно и есть, но истина не превращается в ложь только оттого, что случайно оказывается утешением для того, кто ее произносит.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Все эти (и многие другие) события подробно описаны в повести «Возвращение Угурбадо».

2

Все эти события подробно изложены в повестях «Корабль из Арвароха и другие неприятности», «Тень Гугимагона» и «Дорот, повелитель Манухов»; дополнительные сведения можно встретить почти во всех книгах цикла «Лабиринты Ехо».

Купить: https://tellnovel.com/maks-fray/dar-shavanaholy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити